

Лариса Калюжная

БАБУШКА, А ПОЧЕМУ?

Лариса Калюжная
Бабушка, а почему? или Разговоры с
внуками: педагогические заметки

Допущено к распространению Издательским советом Русской
Православной Церкви
ИС Р16-605-0226

От автора

О создании православного уклада жизни в нашей семье пришлось всерьез задуматься тогда, когда в ней появились сначала один, а затем, спустя три с половиной года, и второй малыш. Можно даже сказать, что этот уклад стал потихоньку выстраиваться как-то сам собой, но по мере взросления детей появилась необходимость сознательного влияния на этот процесс, наступило время размышлений и поисков. Трудностей на этом пути было много, главная из которых состояла в том, что из четырех взрослых членов семьи заботу о православном воспитании детей могли взять на себя только двое: их мама и бабушка, то есть я. Муж моей дочери ходил в церковь крайне редко, да и то в основном для того, чтобы поставить свечу о здравии или о упокоении кого-то из близких, а мой муж в то время и вовсе не был крещен...

Здравый смысл подсказывал, что перенести православный быт, царивший в семье маленького Ванечки из моей любимой книги «Лето Господне» И. Шмелева, в нашу современную семью никак не получится, как бы нам этого ни хотелось... Тем не менее было понятно, что, учитывая реальное положение дела, все же необходимо выстраивать быт семьи и внутрисемейные отношения так, чтобы они содействовали духовному воспитанию детей, спасали их от безверия мира.

Наш семейный опыт совместного с детьми возрастания в православии я и попыталась отразить в «Размышлениях о православном укладе жизни современной семьи», в рассказах «Бабушка, а почему?», в миниатюрах, представляющих собой подлинные записи разговоров с внуками.

Размышления о православном укладе жизни современной семьи

...До меня все же докатились последние волны старинной русской самобытности, в которой было много прекрасного, поэтического. Все, что было в детстве, я лучше помню, чем то, что было день назад.

Н. Рубцов. Коротко о себе

Как-то раз я спросила своего четырехлетнего внука:

– Почему, как ты думаешь, Пасха – такой радостный праздник?

– Так ведь яйца красят! – не замедлил он с ответом, который меня немножко разочаровал своей приземленностью.

Однако, поразмыслив над этой, казалось бы, простой фразой (всего четыре слова!), я сделала для себя несколько открытий.

Во-первых, внук попал в самую точку: именно яйцо, окрашенное в красный цвет, символизирует одновременно смерть и Воскресение Спасителя, два события, которые соединяет в себе Пасха. Как из мертвой скорлупы яйца рождается жизнь, так из гроба восстал Христос, а в будущем восстанут и все умершие – в жизнь вечную!

Во-вторых, праздник стал для него праздником через конкретное интересное дело.

В-третьих, этим интересным делом, наверное не случайно, оказался старинный обычай окрашивания яиц, пришедший на Русь еще из Византии. Эта традиция живет без малого вот уже 2000 лет и сохраняется во всех православных Церквях. Никакие гонения на христиан ее не истребили. Мое деревенское детство пришлось на недавние безбожные времена, и я помню, как, несмотря на строжайшие запреты, в школьных партах и под ними в изобилии появлялась по весне скорлупа от яиц, крашенных луковой шелухой. А

теперь вот и мой внук засвидетельствовал таинственную силу и стойкость этой традиции.

Пасхальное яйцо – это внешний, видимый знак, символизирующий духовные события. Но оно призывает нас к радостному торжеству, открывает великую тайну, подготавливает к религиозному переживанию праздника. Оно дарит первоначальную радость, на которую может откликнуться еще неодоухотворенное сердце. Вспомним, что прежде, чем начать проповедь, равноапостольная Мария Магдалина поднесла в дар императору Тиверии красное яйцо. В этой традиции есть и некая обращенность к детям, которых надо подготовить к восприятию духовного, направить, подвести к сознательному религиозному развитию в будущем. И эта последняя особенность традиции – обращенность к детям – представляется мне наиболее важной.

Прежде чем говорить о значении традиций бытового благочестия в христианском воспитании детей, попробуем выяснить, каковы их возможности и особенности развития. Очень многие родители недооценивают младенческий период жизни своего ребенка, считая его несмышленьишем, но именно в этом возрасте дети очень легко поддаются обучению, их душа впечатлительна, доверчива и мягка. К двум-трем годам они успевают усвоить множество слов, наименований вещей, различных понятий, начинают говорить.

Ребенок в возрасте до трех лет впитывает огромное количество информации, фактов, впечатлений на сознательном и подсознательном уровне. Благодать Таинств невидимо воздействует на ребенка в младенческом возрасте, когда в нем еще не пробудилось сознание.

Мне запомнился совет, который дал по православному радио священник, отвечавший на вопрос матери о воспитании упрямого, своевольного ребенка. Мама жаловалась, что никакого сладу с ним нет, перед людьми стыдно. В числе прочих рекомендаций батюшка сказал также следующие слова: «Окружите дома вашего маленького упрямяца святыньками: давайте ему просфорочку, крещенскую водичку, повесьте иконку над его кроваткой. Он и умягчится». Меня удивил тогда этот совет своей неожиданностью, простотой исполнения и в то же время глубиной вложенного в него смысла: это было обращение к таинственному воздействию святыни на душу ребенка, обращение к невидимым сферам жизни его души, к его подсознанию.

Позже я вспомнила эти слова священника в связи с забавной историей, происшедшей с моим наблюдательным четырехлетним внуком. Пришли мы с ним в церковь. Причастились. Нам дали запивку и кусочек святого хлебца. Потом малыш съел просфорочку, которую я ему припасла. Основательно запил ее святой водой, еле оттащила его от крана. Получили антидор. Вышли на улицу, он и говорит: «Бабушка, мне в храме дали столько всего святого, что я того и гляди ангелом стану».

В Евангелии есть поразительные слова, говорящие о значимости доинтеллектуального переживания веры: «Приносили к Нему детей, чтобы Он прикоснулся к ним; ученики же не допускали приносящих. Увидев *то*, Иисус вознегодовал и сказал им: пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие» (Мк. 10, 13–16).

То, что ребенок видит и слышит в младенчестве, остается с ним на всю жизнь. Поэтому очень важно наполнить сердце и ум ребенка светом и добром с самого раннего детства. Светлые воспоминания из детства могут благотворно повлиять на поступки человека в будущем. Мне вспоминается случай, происшедший с сыном-подростком моих добрых знакомых. Вечером он собрался пойти в нежелательную для родителей компанию сверстников. Было понятно сразу, что никакие уговоры и тем более запреты не помогут, а только укрепят его решимость. Для подростка вообще характерно восстание против авторитета родителей. И тогда папа с мамой как бы невзначай в разговоре между собой упомянули, что сегодня вечером они собираются лепить пельмени. Это была их семейная традиция, в которой сын с малых лет принимал деятельное участие. Покрутившись немного возле вешалки с одеждой, он остался дома.

Кто-то, может быть, скажет: «Фи, этот путь через желудок никуда не ведет!» Но я думаю, что желудок сыграл здесь минимальную роль. Помню, что мне, в моем послевоенном, не избалованном разносолами детстве, меньше всего думалось о еде. Мой муж вспоминает, что самым неинтересным в его детстве делом была еда. Считалось счастьем, если удавалось вместо обеда засунуть в карман краюшку хлеба с солью и убежать во двор к друзьям. Думается, что и в случае с пельменями главная причина, по которой подросток остался дома, совсем в другом. Скорее всего, это произошло потому, что с раннего

детства у него в памяти ярко запечатлелась теплая семейная традиция совместного делания. Как это приятно и радостно, когда папа и мама никуда не убегают, не торопятся, а сидят рядышком и они все вместе дружно лепят пельмени. Уют домашнего очага, чувство защищенности очень важны для подростка, который уже мог столкнуться с холодной жестокостью внешнего мира, улицы.

Совместное дело может быть привлекательно для ребенка и еще по одной причине. Это общение. Дети с огромным интересом слушают рассказы из жизни своих родителей, воспоминания, почерпнутые из семейного архива. Пельмени лепятся не в один час, у взрослых есть много времени для творчества. Тут возможен и рассказ о каком-то происшествии, и размышление о том, что в жизни самое важное – разговор «за жизнь» (так сформулировал мой ученик воскресной школы тему беседы, которая его интересовала). С детьми надо разговаривать, это порождает доверительные отношения между родителями и их чадами. Если в личных взаимоотношениях произойдет понимание, то мы сможем передать ребенку истинные ценности, и тогда у нас появится надежда, что внешние ценности: телевизор, видео, улица окажутся для него менее значимыми.

Наши мудрые прадеды оставили нам в наследство множество добрых православных традиций бытового благочестия, которые могут объединить семью, в том числе – и это самое главное – детей, для общего дела. Это и крашение яиц в Великий Четверг перед Пасхой, и изготовление жаворонков из теста в память сорока мучеников Севастийских. А как приятно вместе с папой выпустить на волю птичку в Благовещение, а еще можно сходить в поход за вербами перед Вербным воскресеньем или за зелеными веточками березы в канун Троицына дня, чтобы потом освятить их, украсить ими дом! В отличие от пельменей, где интересную беседу можно построить не о них, а только вокруг них, православная традиция сама по себе имеет великий смысл. Здесь самым естественным образом может завязаться разговор об этом удивительном обычае, о предстоящем празднике или как ответ на вопрос ребенка, который вряд ли останется безразличным к тому необыкновенному, что происходит в доме.

Переживание событий церковной жизни вместе со всей семьей напитывают впечатлительную душу маленького ребенка, формируют у него православное мировоззрение.

Когда-то, особенно в крестьянском быту, церковные праздники и посты были связаны со всем укладом жизни семьи. Православие было основой всех глубинных традиций русского народа и образом его жизни.

Примеры сочетания бытового и духовного, когда человек живет с чувством постоянного присутствия Божия, мы можем найти в русской мемуарной и художественной литературе. Одно из лучших произведений в этом ряду – «Лето Господне» Ивана Шмелева. Это поэтическое повествование о встрече православия с чистой детской душой, «состаивающейся не в догмате, не в таинстве и не в богослужении, а в быту» (И. Ильин).

Впервые я услышала о книге «Лето Господне» в начале 90-х годов при необычных обстоятельствах. Мы, несколько человек, знакомых по епархиальным курсам, собрались для какого-то общего дела. Среди нас был недавно крестившийся вышедший в отставку военный. Мы попросили его, как единственного среди нас мужчину, прочитать молитву перед чаепитием. Всех поразило, как истово, по-детски открыто, иногда добавляя что-то своими словами, он молился. Позже кто-то из нас спросил, как он пришел к вере. Ответ был такой: «Я прочел „Лето Господне“ Ивана Шмелева». Мне стало очень любопытно, что же такое там написано, от чего взрослый мужчина, кадровый офицер, хоть и бывший, пошел креститься. Раздобыть книгу в то время было не так уж легко, но вот наконец она у меня в руках. Я листаю страничку за страничкой, и моя душа, младенец в вере, наполняется тем, чего она была лишена в детстве: верой, православием, святостью, оказывается, что все это может быть так же естественно, как дышать, жить.

Маленький Ваня, главный герой «Лета Господня», возрастает в условиях, где вера была основой существования, образом жизни. Истины православия входят в его душу через церковный быт, через наставления доброго старого Горкина:

«В субботу третьей недели Великого поста у нас выпекаются „кресты“: подходит „Крестопоклонная“.

„Кресты“ – особенное печенье, с привкусом миндаля, рассыпчатое и сладкое; где лежат поперечинки „креста“ – вдавлены малинки из варенья, будто гвоздочками прибито. Так спокон веку выпекали, еще

до прабабушки Устиньи – в утешение для поста. Горкин так наставлял меня:

– Православная наша вера, русская... она, милок, самая хорошая, веселая! и слабого облегчает, уныние просветляет, и малым радость» (И. Шмелев. «Лето Господне». М., 1988. С. 244–245).

Устами мудрого Горкина произнесены важные слова: «и малым радость». Может быть, малым-то – в первую очередь. Для них почти все происходящее вокруг – необыкновенно, ново, зачастую – впервые в жизни! И радость эта совсем иная, чем у взрослых: с замиранием сердца, с трогательной наивностью, в ярких образах. В простоте детского восприятия душа умудряется постигнуть главное, святое.

Счастье, если ребенок с малых лет окружен духовной атмосферой, царящей в доме, если первые впечатления он получил от переживаний событий церковной жизни вместе с семьей, от деятельного участия в подготовке к праздникам. Родители по мере своих возможностей должны позаботиться о создании светлой духовной среды для воспитания своих детей, создать христианский быт, связанный с годовым кругом праздников и постов.

Конечно, это потребует от нас душевных и физических сил, размышлений, перемены всего образа нашей жизни, волевых усилий, поисков соответствующей информации, времени, которого и так катастрофически не хватает. Моя добрая знакомая, совсем не церковная, в тот период своей жизни, когда двое ее сыновей-погодков потребовали к себе усиленного внимания, переменила работу на грязную и не престижную, но с высвобождением времени. А дома даже перестала гладить выстиранное белье, просто аккуратно складывала его, и все. Уже будучи взрослым человеком, один из ее сыновей сказал: «Мама, как хорошо, что, когда мы были маленькие, ты откладывала все свои дела и читала нам сказки». Но если так жертвенно, по любви поступала мать, не будучи верующей, то как же ответственно должна подходить к воспитанию своих детей мать-христианка!

Но что значит создать христианский быт? Должны ли мы стараться в точности воспроизвести православный быт наших прадедов? Возможно ли это? Может быть, достаточно возродить некоторые

благочестивые обычаи старины? Или необходимо создавать какие-то новые формы христианского быта?

Сегодня многие задумываются о нашем прошлом, об утраченных культурных традициях, хотят знать, как жили наши деды и прадеды. У людей есть стремление к возрождению обычаев старины. Однако нецерковные люди зачастую относятся к ним как к религиозному фольклору, как к чему-то веселому и развлекательному. Верующие задаются вопросом: нет ли в этих попытках возрождения старинных традиций искусственности и нарочитости, нет ли в отношении к ним элементов суеверия. Многие из нас были свидетелями празднования Масленицы без всякой привязки к православному календарю...

Создавая духовную атмосферу в своем доме, мы можем встретить также непонимание или даже препятствия со стороны невоцерковленных членов семьи. Современная семья далеко не всегда единодушна в своем отношении к религии. В этом – особенность нашего времени. Иногда вся ответственность за нравственное и религиозное воспитание детей лежит на одном-единственном православном человеке во всем доме, чаще всего на матери. Но так было во все времена: именно женщина занималась воспитанием детей в семье. Не потому ли в наше время Господь призвал в храм так много женщин?

Сложности, препятствия, горести, которые могут встретиться на этом пути, не поддаются никакому описанию. Но вот тут-то мы и можем испытать меру своей любви к ближнему, свое смирение, терпение и прочие христианские качества. Испытать меру нашего христианства в действии. Здесь – искусство возможного и смирение перед тем, чего в данное время мы сделать, увы, не можем. В какой-то момент мы должны остановиться или даже отступить, уповая только на молитву и помощь Божию. Здесь, если хотите, творчество, перемешанное с горячими слезами, но и с великими радостями. И нет ничего более интересного и значимого в нашей жизни, потому что это и есть наша жизнь.

Приведу любопытный случай, рассказанный моей знакомой, в семье которой сочетание смирения и настойчивости двух ее членов привело к маленькой победе: к возрождению в их доме прекрасного обычая.

Все началось в канун Великого поста. В Прощеное воскресенье мама с дочкой встали перед вопросом: просить ли прощения у

неверующего главы семьи. После некоторых сомнений и колебаний решили: просить. Смирено подойдя к мужу и папе с покаянными словами, они встретили непонимание и насмешки. Ровно через год перед ними возник все тот же вопрос: просить прощения или благоразумнее не просить, памятуя прошлогоднюю неудачу? Решили посоветоваться со священником. Батюшка, хорошо знавший их семью, благословил: просить. Обуреваемые большими сомнениями, они все же последовали совету священника. К их удивлению, на этот раз папа серьезно выслушал все слова, которые они ему сказали, и в ответ попытался неумело попросить прощения тоже.

Некрещеный, холодный к православию муж другой моей знакомой тем не менее никогда не возражал против традиционного пасхального стола в их доме и, к изумлению всех домочадцев, задолго перед Пасхой всегда первый настойчиво напоминал о том, что уже пора собирать луковую шелуху, чтобы красить яйца. Однажды он с большой теплотой рассказал, что, когда был маленький, помогал маме печь куличи и красить яйца луковыми перьями, причем все это приходилось делать в большой тайне, так как они жили в военном городке. Впоследствии он крестился.

Но даже если в нашем доме укоренятся некоторые, пусть даже и очень красивые обычаи старины, это еще не есть христианский быт как форма существования человека в окружающем мире. В старину домашний быт и труд, праздники и посты были неразрывны, весь уклад жизни семьи был связан с годовым кругом жизни Церкви.

Дореволюционный, веками наработанный строй жизни рухнул. Наша жизнь существенно отличается от жизни наших дедов и прадедов. Перед нами встала задача создания «православного быта» в современных условиях, что требует от христианина осмысления и адекватного ответа на новшества цивилизации и культуры. Мы должны вырабатывать в противовес многим из этих новшеств свои правила и обычаи. Каждая семья должна творчески подходить ко всем тем условиям, которые будет предлагать им жизнь.

Об одной из особенностей нашей современности стоит сказать отдельно. Речь идет об отношении к теле, радио, видео и прочим внешним включениям, в буквальном смысле этого слова, в наш быт.

Особая ответственность за пристрастие к ним лежит на семье, в которой есть дети. Что может отвлечь ребенка от телевизора и от

компьютера, что может иметь для него больший вес, быть более значимым? Конечно, если мы допускали многочасовые бдения ребенка перед экраном, то «отлепить» его от него будет нелегко. Но мне кажется, что ничто не может заменить детям живого общения, в первую очередь с родителями. Как они любят совместные со взрослыми подвижные игры, вылазки в лес за грибами летом и лыжные прогулки зимой! Сколько там с ними произойдет маленьких приключений и происшествий, которые они долго потом будут вспоминать и обсуждать! Мальчики очень любят что-нибудь мастерить вместе с папой, а девочки с воодушевлением под маминым руководством обшивают и обвязывают своих кукол.

Особенно сближает всех членов семьи, детей и взрослых, полезное общее дело. Когда моя мама и ее сестра были маленькими (это было в 20-е годы уже прошлого века), у них имелись сделанные отцом детские грабли, цеп, ворошилки, но не для игры, а чтобы удобно было работать. И они с большой охотой помогали старшим сушить сено, жать рожь, овес, копать картофель, даже молотили цепями снопы. Помню, меня всегда удивляло, когда мама говорила: «Я люблю полоть грядки» или «Я люблю складывать дрова». Понятно, что все это нужно делать, и я делала. Но чтобы любить... Это мне было странно, и я много раздумывала над этим. Отчасти ответ дают те самые, сделанные маминым отцом, моим дедушкой, детские грабли, цеп, ворошилки. Дети не играли, они работали удобным инструментом, как взрослые. Какая радость должна была переполнять детские сердца от сознания своей причастности к созидательной взрослой жизни! Мама с горечью говорила, что в городе, куда они переехали после раскулачивания, она уже ничем дельным заняться не могла: ни скотины, ни огорода, ни сада у них больше не было...

Еще поколение назад бытовала традиция общесемейного чтения. Читали по ролям, разыгрывали небольшие домашние спектакли.

Моя мама вспоминала, что в их семье детям рассказывали не только сказки, но и пересказывали своими словами жития святых, сюжеты из Ветхого и Нового Заветов.

Мне очень хотелось, чтобы и мои внуки полюбили жития святых, но, к сожалению, почти все во множестве купленные мной переложения житий святых для детей страдали тяжеловесностью изложения. Дело пошло гораздо лучше, когда я стала пересказывать их

своими словами, часто ограничиваясь небольшими кусочками из житий, представляющими наибольший интерес для детей маленького возраста. Особенно востребованными оказались жития святых, где фигурировали животные. Дети уже сами просили рассказать им про льва старца Герасима, про медведя святого Серафима Саровского или про змея преподобного Симеона Столпника.

Огромным успехом у моих внуков пользуются маленькие рассказы-воспоминания из моей собственной жизни. Это у нас называется: «Что бывало». Рассказывать приходится бесконечно, вспоминая прямо на ходу, под нетерпеливые просьбы: «Ну, бабушка, рассказывай дальше, что с тобой еще бывало?» И я честно напрягаю память, рассказываю и смешное, и страшное, не забывая вставлять и что-нибудь душеполезное. Неизбежно следуют вопросы, комментарии по поводу услышанного, дети очень раскрываются в таком общении, растет взаимное доверие и понимание. В таких разговорах можно вложить в их души многие нравственные понятия.

Очень прижились у нас вечерние беседы перед сном о том, что произошло за день хорошего и плохого, грустного и веселого. Мы вместе пытаемся дать нравственную оценку событиям дня, и мне кажется, что это очень важно для них.

Еще одна сторона жизни православной семьи – молитва. Если в семье есть дети, то особую значимость приобретает общая молитва.

В одном знакомом православном доме, где мне приходится иногда бывать и где есть маленький ребенок, я с удивлением отметила отсутствие молитвы перед едой и после еды. Икон на кухне нет, хотя в других комнатах они есть. Степень воцерковления членов этой семьи, конечно, разная, но и противиться такой молитве в доме некому. Осторожный разговор на эту тему и мои наблюдения привели меня к выводу, что взрослые просто не понимают и не задумываются над тем, какое значение имеет общая семейная молитва в жизни ребенка.

Чтобы молитва органично, без принуждения вошла в жизнь детей, они с малых лет должны видеть молящимися отца и мать, с молитвы должна начинаться и ею заканчиваться общая трапеза в семье, на коротенькие правила утром и перед сном тоже можно собраться всей семьей или хотя бы частью ее, в детской. Когда однажды мы такой частью – я и внуки – встали на вечернюю молитву, в комнату внезапно зашел мой не очень-то религиозный зять. Я запнулась: как он в своем

доме отнесется к тому, что его сыновья молятся вместе с приходящей бабушкой? Похлопав глазами, он встал в общий ряд и вместе с нами вдохновенно спел «Отче наш»!

Если в доме есть ежедневная молитва, то к шести-семи годам дети без всякого специального заучивания будут знать 10–15 молитв. Молитва станет частью их жизни, потребностью. Как-то у себя в квартире я засуетилась и села за еду, забыв про молитву. Тут раздался возмущенный вопль моего внука, ему тогда было 2,5 года: «Молиться! Молиться надо, бабуска, молиться!»

На всю жизнь врезаются в память человека зрительные образы детства. У Пушкина есть чудесное воспоминание детских лет о молитве няни:

Ах, умолчу ль о нянюшке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой умиря,
Тихонечко перекрестит меня...

А. С. Пушкин. Сон

Для приобщения ребенка к молитве нельзя пренебрегать внешними приемами, которые могут настроить его на молитвенный лад, доставить радость и запомниться как что-то необыкновенное, выделяющееся из обычной жизни. Мои внуки очень любят, когда я перед вечерней молитвой, выключив электрическое освещение, зажигаю лампадку в виде храма, из окошечек которого льется приглушенный свет, таинственно отражающийся на стенах и потолке комнаты. Восторг в их глазах передается и мне, мы все легко и радостно встаем на молитву. Да и потом, лежа под одеялом, они активно упрощают меня не тушить сразу лампадку, чтобы еще немного полюбоваться причудливыми колеблющимися тенями. В таких условиях легко завязывается разговор о чем-нибудь «божественном».

В последний день Масленицы после вечернего богослужения я всегда заменяю белое полотенце, украшающее главную икону в доме, на черную кружевную накидку. Удивительно, но это простое действие создает в доме строгую великопостную атмосферу. Дети очень зорко подмечают такие перемены.

Однажды в первый день Великого поста я почувствовала несоответствие радостных ярких детских рисунков, висящих на стене (это была своеобразная выставка лучших работ моих внуков, очень вдохновляющая их на усердный труд), с наступающими днями покаяния и молитвы, открепила их и убрала в папку. Приехавшие в ближайшее воскресенье мальчики были потрясены отсутствием рисунков на стене и хором спросили: «А где же наша выставка?!» Конечно, я должна была предварительно согласовать с ними свои действия... Пришлось спасти положение встречным вопросом: «А как вы думаете, почему мне пришлось временно снять ваши рисунки и положить в папку?» Хмурое, трагическое молчание... Задаю наводящие вопросы: «Посмотрите на икону. Вы ничего нового не видите?» Старший, заметив на ней черное обрамление, догадывается, светлеет лицом: «А-а-а, Великий пост?» – «Правильно, пост. А ваши картины были такие яркие, красочные, на одном даже масленичное катание изображено, вот и пришлось убрать их до Пасхи. Сейчас мы с вами выберем из папки и развесим те рисунки, которые больше подходят к великопостному времени, а к празднику можно устроить новую пасхальную выставку!»

В семье должны отмечаться православные праздники, именины, дни рождения, памятные семейные даты. Детям необходимо доставлять внешнюю радость. И здесь нам на помощь могут прийти яркие обычаи старины, веками проверенные нашими дедами и прадедами. Они помогут раскрыть глубинный смысл каждого праздника, сделать его особым, запоминающимся.

Возрождая народные традиции, мы должны видеть и некоторые опасности, сопутствующие этому доброму делу.

Одна из них – опасность реанимирования суеверных обычаев, ведь наряду с благочестивыми традициями в народе бытовало множество суеверных привычек и обрядов, зачастую идущих еще из языческих

времен. Суеверные приметы и обычаи не имеют ничего общего с верой, мы совершаем грех даже в том случае, если просто по привычке или по наивности следуем им. Это в любом случае заигрывание с силами зла. Нам нужно научиться понимать разницу между верой и суеверием, научиться различать благочестивый обычай от суеверных привычек и верований.

Еще опасность – когда внешний, пусть даже и очень благочестивый обычай будет сочтен нами вполне достаточным проявлением нашей веры. И вместо напоминания о празднике или посте он заслонит, подменит внутреннюю суть веры.

Есть и еще одна опасность – когда наши суеверные привычки, наше пристрастное, искаженное отношение к внешним символам распространяются на духовную жизнь, когда наша вера становится разновидностью суеверия. В быту это проявляется в том, например, что мы, рассыпав соль, пугаемся: «К ссоре!» или ждем удачи, встретив на пути горбатого. В религиозной жизни, прочитав определенное число молитв или окунувшись в святой источник в паломнической поездке, мы с тем же суеверием ждем, что наше желание исполнится. Бог становится средством для достижения благополучия, удачи, приобретения здоровья, мы хотим получать от Него, а не быть с Ним.

Как-то заболел ребенок в семье моей знакомой, только-только начинающей воцерковляться. Конечно же сразу был вызван врач, применены все прописанные лекарства и процедуры. Когда я по телефону осторожно посоветовала прибегнуть к Божией помощи, мне сказали, что и здесь они уже *все* сделали. Ответ меня обескуражил. Во-первых, можно ли хоть когда-нибудь считать, что мы сделали *все*, во-вторых, получалось, что моя знакомая произвела какие-то необходимые, по ее представлениям, лечебные и религиозные действия и теперь ожидает от них определенных результатов.

Еще об одной истории я услышала от священника. Примерно в одно время он освящал две машины частным владельцам. Вскоре обе машины были угнаны злоумышленниками. Один из пострадавших был возмущен: как, он потратил время на освящение машины, заплатил деньги, да попы его просто обманули!

У второго пострадавшего жена оказалась верующая. Она посоветовала мужу исповедаться и причаститься. Он прислушался к ее словам. Через некоторое время после исповеди и причастия ему

позвонили из милиции и сообщили, что нашлись две машины с его номерами, необходимо было прийти, чтобы разобраться, которая из них – его собственность...

Суеверное, потребительское отношение первого пострадавшего к священнодействию очевидно. Ну хорошо, а если бы машину второго пострадавшего не нашли? Ведь такие чудеса бывают крайне редко! Хватило бы у нас на его месте терпения, смирения, чтобы без ропота принять посланное нам испытание и не ожидать от церковных таинств волшебства, исполнения желаний, успеха в делах? Хватило бы веры, чтобы сказать: «Да будет воля Твоя!»?

Преодолеть в себе склонность к суеверию можно лишь прилагая усилия для духовного возрастания, идя путем религиозного образования и просвещения. Тогда и в домашней, семейной жизни мы приобретем здоровую духовную основу для создания православного быта как образа жизни. Великое счастье, если дети будут воспитываться в таких благоприятных условиях.

Сейчас мои внуки уже подростки. И особенно теперь становится ясно, каким важным периодом в воспитании детей было время до наступления этого ершистого и непокорного подросткового возраста. Многое, приемлемое в «воспитательном процессе» ранее, уже не работает, в каком-то смысле этот процесс уже завершен. Особенно сложно с повзрослевшими чадами говорить о вере. В этом возрасте происходит переоценка ценностей, подросток как бы отступает на шаг от того, что раньше доверчиво принимал от взрослых. А сейчас ему нужно убедиться во всем самому. Большее влияние на подростка оказывают теперь сверстники, улица. Так что же нам делать в этой ситуации? Давить на него бесполезно, да и опасно непредсказуемой реакцией вплоть до ухода из дома. Сложить ручки и ничего не предпринимать?

О такой патовой ситуации со своими двумя сыновьями-подростками рассказала мне моя добрая знакомая, совсем недавно пришедшая к православию. Мало того что у ее сыновей не было желания разговаривать с мамой о вере, так они еще все, что она пыталась им сказать, встречали дружными ироничными насмешками, которые было трудно потерпеть. Обоюдное недовольство переросло почти во враждебные отношения. В поисках ответа на вопрос: «Что делать?» моя знакомая перелистала множество книг, в одной из них ей

встретилась такая мысль: «нет шансов у равнодушия, у любви всегда есть шанс». Она задумалась: «Действительно, ведь я их очень люблю, а значит, у меня есть шанс!» Результаты ее последующих размышлений проявились в том, что она замолчала. Нет, конечно, мама продолжала общаться со своими сыновьями, но как только у нее появлялось непреодолимое желание мгновенно обратить их в свою веру, она заставляла себя набрать воды в рот. И ждала. Ждала случая, когда они захотят ее слушать и слышать. Такие моменты редко, но наступали и почти всегда совпадали с неприятностями, потрясениями, неординарными событиями в жизни ее сыновей. Со старшим сыном мама разговаривала душа в душу, глаза в глаза, когда ему пришла повестка в армию. Это длилось всего каких-то полчаса, но она смогла ему сказать о том, что было для нее важно, в том числе и о вере, о чем он раньше и слушать не хотел. Попросила его запомнить коротенькую молитву и, когда будет опасно или тяжело, читать ее. Вернувшись из армии, сын рассказал маме необычный случай, когда его спасла эта молитва... Сейчас, помимо основной работы, он является регентом церковного хора.

Еще об одном случае мне рассказала мама моего бывшего ученика воскресной школы. После поступления в институт он попал под влияние друзей и совершенно забыл дорогу в храм. Мама, с младенчества воспитывавшая сына в православной вере, педагог по образованию, ничего не могла с ним поделать. Ей оставалось только горячо молиться за свое отпавшее от Церкви великовозрастное чадо. Так прошло два года. Неожиданно отец моего ученика попадает в больницу с тяжелым заболеванием. Первое, что делает его сын без всякого напоминания, – бежит в храм заказывать молебен о здравии отца.

Влияние духовных событий, прожитых детьми вместе с семьей, – огромно. Эти драгоценные воспоминания детства могут очистить и спасти их в будущей жизни. Если мы прикладывали труды по духовному воспитанию детей, когда они были еще маленькими, мы можем надеяться, что эти усилия не пропадут, что Господь возрастит то, что посеяно, и добрые плоды созреют.

**Бабушка, а почему? или Разговоры с
внуками**

Педагогические заметки

Бабки-ежки и кощеи бессмертные

Дорога от дома до детского садика занимает у меня примерно двадцать минут. Обратный путь мы с внуком едва преодолеваем за вдвое большее время, потому что теперь перед нами вырастают не замеченные мной ранее совершенно удивительные вещи! Например, как это я могла равнодушно пройти мимо большого снежного сугроба, с которого можно кубарем скатиться, с наслаждением распластавшись у его подножия! А ледяная дорожка, раскатанная множеством ног, стремительно уносящая моего внука то в одну, то в другую сторону. Откуда она только взялась? Мне казалось, что ее здесь не было... А вот какая отличная дыра в заборе! Сквозь нее прекрасно виден огромный строительный кран с покачивающимся на стреле грузом.

Множество неожиданных остановок в конце концов мне надоедают и я уже с трудом удерживаюсь от замечаний, можно сказать, борюсь с ними: «куда тебя понесло», «не упади», «слезь», «дай руку» и т. д. Убеждаю себя, что, во-первых, на каждый чих не наздравствуешься, да и незачем человека дергать по пустякам, хотя, понятно, бывают случаи, когда надо сказать твердое «нельзя»; во-вторых, надо войти в его положение, ведь не кисейная барышня растет, а любознательный живой парнишка; в-третьих, он должен учиться быть самостоятельным; в-четвертых... Я не успеваю додумать, что в-четвертых, так как Коля с радостным воплем поднимает с земли сучковатую палку. У меня на кончике языка уже вертятся слова: «Брось эту грязную палку, ты что, хочешь кому-нибудь глаза выколоть?» Страшным усилием воли я заменяю их на другие:

– Какая отличная палочка! Ты только опусти кончик вниз, чтобы никого не поранить.

Мы вместе подыскиваем для нее достойное применение. Например, ею можно что-нибудь нарисовать на снегу или написать. Коля тут же рисует человечка с торчащими в разные стороны волосами, пишет рядом печатными буквами: «Я ТИБЯ ЛУБЛУ» – и многозначительно смотрит на меня. Я удивляюсь так быстро пришедшей награде за мои усилия примириться с палочкой, но не успеваю этим вполне насладиться, потому что откуда-то сверху на меня падают комья снега и противно тают за шиворотом. Это Коля придумал еще одно

применение своей дурацкой палке: ею прекрасно можно сбивать снег с деревьев.

Но сегодня внук тихо и молчаливо идет рядом со мной за руку и, кажется, о чем-то думает. Наконец он прерывает молчание:

– Бабушка, Андрей из нашего садика очень боится Бабы-яги и Кощея Бессмертного, даже плачет. Я ему сказал, что надо делать.

– А что надо делать? – рассеянно спрашиваю я Колю, озираясь по сторонам: мы переходим через дорогу.

– Как что? – удивляется Коля. – Молиться! Ты, бабушка, напиши на бумажке молитву, а я ему отдам. Я обещал, что ты напишешь.

– А читать-то Андрей умеет? – сомневаюсь я, начиная понимать всю важность обсуждаемого дела.

– Он умеет читать. Ты, бабушка, напиши, – настойчиво просит Коля. – Андрей сказал, что будет читать.

– Знаешь, Коля, – рассуждаю я вслух, – бумажка может легко потеряться. Может быть, нам лучше сделать по-другому? Есть одна очень коротенькая молитва, в ней всего два слова.

– «Господи, помоги!», – да, бабушка?

– Правильно. Андрей ее быстро запомнит. Когда ему станет страшно, пусть он скажет тихонечко, про себя: «Господи, помоги!» – и все бабки-ежки и кощеи бессмертные тут же разбегутся. Это очень сильная молитва. Так и скажи Андрею.

– Хорошо, так и скажу, – серьезно отвечает Коля.

Его теплая ладошка доверчиво покоится в моей руке.

Вранье

Коля входит в комнату и показывает мне то, что осталось от дедушкиного складного стульчика: в правой руке у него болтаются две гнутые алюминиевые ножки на куске парусины, а на левой ладонке лежит кучка винтиков и гаечек.

– Посмотри, бабушка, что Ваня натворил!

Из-за Колиной спины выглядывает двухлетний Ваня.

Коля продолжает:

– Ты, бабушка, его не слушай, он, конечно, будет говорить, что это не он.

Ваня отрицательно мотает головой:

– Это не я.

– Вот видишь, бабушка! – честными круглыми глазами смотрит Коля.

Ваня смотрит на меня такими же честными глазами.

Некоторое время я пребываю в растерянности. У меня нет сомнений, что это сделал Коля. Отвинтить такую кучу гаек маленький Ваня просто не мог. Меня обескураживает изобретательное Колино вранье. Решаю применить испытанный еще на мне моей мамой педагогический прием с небольшим добавлением, невозможным в безбожные времена моего детства:

– Я могу легко узнать, кто это сделал.

– А как? – Коля бесстрашно и с большим любопытством смотрит на меня.

– Да ведь Бог-то все знает, вот Он мне и укажет кто.

– Как укажет? – уже не таким бравым тоном говорит Коля.

– Мне надо заглянуть в ваши глаза, в них все будет написано. Ты, Коля, старший, давай начнем с тебя.

И я внимательно смотрю ему в глаза. Коля не выдерживает моего твердого взгляда:

– Да он сам у меня в руках развалился, я только немножко крутанул, и все...

И снова вранье...

Ваня пришел с улицы с мокрыми по локоть рукавами. Я спрашиваю:

– Ты почему, Ваня, ходил в огород к ванне с водой? Я ведь не разрешала!

– Меня туда ветром ждало, – отвечает Ваня, потупив взор.

Я не могу удержаться от смеха, о чем мне сразу же приходится пожалеть: довольный таким оборотом дела Ваня пытается усилить успех от своего вранья:

– И волк присол!

Такую нахальную разрастающуюся ложь нельзя оставить без последствий, и я возмущенно говорю первое, что приходит в голову:

– Если будешь врать, Ваня, я позвоню папе с мамой, и они тебе игрушек из города не привезут!

– Не пливезут? – пугается Ваня.

– Не привезут! – подтверждаю я безжалостно.

– Я больсе не буду, бабуска.

– Чего ты не будешь?

– Ни-ци-во не буду!

Правда

– Бабушка, а почему блины переворачивают на сковородке, а пирожки не переворачивают?

– А как ты узнала, бабушка, что кошка любит молоко?

Но вот наконец поступает вопрос, ради которого стоило потерпеть все предыдущие:

– А почему, бабушка, когда соврешь, то радуешься, а когда скажешь правду, то хочется плакать?

– Может быть, это потому, Коля, что когда соврешь, то кажется, что ты ловко скрыл свой плохой поступок и никто теперь об этом не узнает. Ты и радуешься. А правду сказать очень трудно. Ведь теперь все узнают, что ты не такой хороший, каким хотел показаться. И от этого хочется плакать. Вот только давай подумаем, а разве бывает так, чтобы никто не узнал, что ты врешь? КТО ВСЕГДА ВСЕ ЗНАЕТ? – Последнюю фразу я говорю значительно, с расстановкой, и Коля, конечно, отвечает правильно:

– Бог.

– А еще кто знает?

– Ангел-хранитель.

– Да, когда ты врешь, он плачет и отступает от тебя. А еще кто-нибудь знает об этом? – продолжаю я вопрошать.

Коля морщит лоб, но ответа не находит. Я подсказываю:

– Когда светлый ангел отходит, то кто всегда прибегает на освободившееся место? Мохнатенький такой, черненький?

– Бес! – отгадывает Коля.

– Правильно. Он радуется, что человек оказался таким плохим, и хочет, чтобы все всегда врал. А когда ты сказал правду, ты победил беса.

Миришь, миришь, миришь...

До моих ушей доносится громкий приближающийся рев. Дверь из детской комнаты распахивается, мне навстречу медленно движется Ваня с квадратным от горького плача ртом:

– Меня Коля уда-а-а-рил!

Я с негодованием кричу Коле:

– Коля, ты почему обижаешь Ваню?

Но тут же осекаюсь, потому что у Коли точно такой же квадратный рот, а из глаз катятся слезы.

– Этот Ванька ткнул меня кулаком прямо в нос!

– Ваня, разве можно кулаком в нос тыкать? – с возмущением поворачиваюсь я к Ване.

– А он у меня отобрал машинку!..

– Нет, это ты первый!..

– А ты!..

Моя голова вращается в разные стороны, я стараюсь понять, кто же из них двоих прав, кто виноват. Наконец мне становится ясно, что дело это совершенно безнадежное, никаких концов тут не найти. Надо действовать как-то иначе.

– Так. Если вы не умеете жить вместе, то с этого момента будете жить отдельно! Ты, Коля, останешься в этой комнате, а Ваня со своими игрушками пойдет жить в другую!

Я крепко беру Ваню за руку и хочу увести с собой. Но не тут-то было: Ваня изо всех сил упирается и, снова обливаясь слезами, кричит:

– Нет! Я не пойду в другую комнату! Я не хочу жить отдельно! Я хочу с Колей! Коля, давай мириться!

Он вырывается у меня из рук, бежит к Коле и пытается взять его за руку. Коля отбивается, но не очень активно, он явно польщен тем, что Ваня дорожит его обществом, да ему и самому не хочется оставаться в одиночестве. Вскоре Ване удастся зацепить свой мизинец за Колин, это абсолютно необходимое условие для дальнейших действий. Теперь они оба, покачивая в такт руками, заводят примирительную песенку, знакомую мне еще из моего далекого детства:

– Мирись, мирись, мирись
И больше не дерись...

Ваня тревожно поглядывает на меня: переменится ли гнев на милость. Я подхватываю:

– А если будешь драться...

Дальше в рифму должны следовать слова «то я буду кусаться!». Но мы давно уже по общему согласию заменили их на другие, хоть и не такие складные:

– Я все равно не буду кусаться!

Присказка эта проверенная, она частенько выводит нас из очень трудных положений. Обычно мне самой приходится, уловив подходящий момент, предлагать: «Ну все, все, давайте мириться: мирись, мирись, мирись...»

Но заканчиваем мы неизменно хором, губы у всех сами собой разъезжаются в улыбке, а слезы высыхают.

Недавно я услышала еще один вариант этой чудодейственной песенки. После слов «я буду кусаться!» поется: «А кусаться нам нельзя, потому что мы друзья!»

Ну что ж, можно и так.

Капризка

– Ваня, собирайся, мы пойдем гулять.

– Я не хочу гулять, – твердо заявляет Ваня даже не поднимая головы.

– Ты только посмотри, Ваня, – я стараюсь придать своему голосу как можно больше радостных ноток, – какое солнышко на улице! Коля уже одевается.

– Не пойду, я буду рисовать.

– Мы же договаривались, что будем рисовать все вместе после прогулки.

– Нет, я хочу сейчас.

– Пойдем, Ваня. Давай я помогу тебе надеть свитер...

– А-а-а-а!

Я отступаю вместе со свитером. Ох уж этот Ваня! Ну что ж, у нас с Ваниной мамой есть действенная выручалочка для такой патовой ситуации. Я начинаю издали:

– Коля, посмотри, наш Ваня был такой хороший, послушный, а теперь вдруг стал плохой. По-моему, он опять проглотил капризку. Наверное, стоял где-то с открытым ртом, она и залетела.

Ваня настораживается. Я продолжаю:

– Придется нам ее выгонять. Ваня, выбирай, чем мы будем выгонять капризку: ремешком, прутиком или крапивой?

Но и Ваня не лыком шит, у него заготовлен свой ответ на наши хитрости:

– Я сам ее буду выгонять.

– Хорошо, Ваня, выгоняй сам, я только форточку открою, чтобы капризка улетела от нас подальше.

Я иду к форточке, а Ваня предусмотрительно открывает рот и шлепает себя ладошкой по тому месту, по которому надо бы хорошенько пройти ремешком.

Но я еще не догадываюсь, какая опасность подстерегает меня с другой стороны. Коля заинтересованно прослеживает глазами путь от Ваниного рта до форточки. Ничего такого не заметив, он скептически спрашивает:

– А как ты, бабушка, узнаешь, что капризка вылетела?

– А это мы сейчас проверим. Если Ваня пойдет одеваться, значит, вылетела, а если нет, то придется идти за ремешком, – находчиво говорю я.

– Уже вылетела, – сообщает Ваня и начинает надевать свитер.

– А почему же я ничего не видел? – Колю не покидают смутные подозрения, что тут что-то не так.

До сих пор он таких вопросов не задавал, и я понимаю, что отмахнуться от них нельзя, дело серьезное.

– Как же ты, Коля, мог увидеть капризку, если она невидимая? И потом, ты уже большой и должен догадываться, *что* такое капризка на самом деле. Или, вернее, *кто*? – Я понижаю голос до шепота.

– Бес, что ли? – У Коли округляются глаза.

– Ну конечно, это бес. Это он нашептывает нам всякие плохие советы, толкает на дурные поступки и капризы, а иногда и сам может войти в человека. Сейчас я найду книжку, в которой показано, как Иисус Христос выгоняет бесов из такого человека.

Я открываю книгу, где на репродукции храмовой росписи XI–XII вв. изображена притча об исцелении бесноватого. Древний иконописец по-детски просто, как будто специально для нашего случая изобразил момент исцеления: изо рта бесноватого выпрыгивают маленькие дымчато-сизые фигурки с рожками и хвостиками.

– Вот, смотрите сами, – торжествующе говорю я, – бесы по слову Иисуса Христа вышли из человека и вошли в стадо свиней. Свиньи сразу взбесились, побежали к обрыву и упали в море.

Коля с Ваней оторопело смотрят на изображение.

– Рты-то закройте, а то не ровен час...

Рты закрываются как по команде.

Про бесов мне в тот день было задано великое множество вопросов, а книга с изображением их изгнания переходила из рук в руки.

Новый танк

Коля с Ваней играют на детской площадке, а я сижу невдалеке от них на скамеечке, жмурюсь от яркого весеннего солнышка и думаю: «Какие они разные. Коля – общительный, любознательный, но обидчивый, рассеянный и очень вспыльчивый, даже гневливый. Как старший, естественно, хочет и старается добиться, чтобы Ваня его во всем слушался, но для этого у него недостает твердости. Ваня более сосредоточен, с сильным характером и в то же время добрый, доверчивый. И только небольшое дополнение портит все: он – маленький упрямый ослик. Ванины ответы на все наши предложения неизменно начинаются со слов: «нет», «не буду», «не хочу». При таких различиях у братьев часто вспыхивают ссоры, нередко заканчивающиеся откровенной дракой. Дело усугубляется еще ревностью со стороны Коли, которому, начиная с трех лет, приходится делить мамину любовь с младшим братом.

Мне на всю жизнь запомнились слова моей мамы из моего детства, перевернувшие все отношения с моим младшим братом: «Как хорошо, что у тебя есть брат! Когда тебя нет, он все время спрашивает, где ты, ждет, когда ты придешь. Он тебя так любит!»

Ваня и в самом деле без Коли скучает, радуется, когда он приходит из садика, подражает ему. Любые, даже самые скупые проявления Ваниной любви к старшему брату я, помня мамину науку, доношу до Коли в разных вариациях, и, мне кажется, это очень смягчает их отношения.

Мои раздумья прерываются громкими криками, доносящимися с площадки. «Ну вот, начинается!» – огорчаюсь я, бегу к песочнице, где братья, вцепившись руками в новенький, подаренный мною Ване танк, яростно тянут его каждый в свою сторону, как два цыпленка червяка. Увидев меня, Коля выпускает танк из рук, видимо, осознав свою неправоту: танк-то Ванин. Ваня шлепается на землю и, не раздумывая, с размаху бьет танком Колю по голове. Я ахаю, подскакиваю к Коле: у него на затылке буквально на моих глазах растет большая шишка, а из-под содранной кожицы сочится кровь. Я в ужасе кричу Ване:

– Ты видишь, Ваня, что ты натворил?

Ваня, увидев кровь, роняет танк, бросается к Коле с отчаянным воплем, протягивая вперед руки:

– Коля, прости меня! Прости меня, Коля!

Коля, к моему несказанному удивлению, тоже вытягивает руки навстречу Ване – со стороны это выглядит немножко театрально – и кричит сквозь рыдания, роняя частые, крупные слезы:

– Я прощаю тебя, Ваня!

Потрясенная этой душераздирающей сценой примирения, закончившейся взаимными объятиями, я ограничиваюсь несколькими нравоучительными словами, достаю из сумочки носовой платок и бактерицидный пластырь, солидные запасы которого у меня всегда при себе, и залепляю Колину рану. Ввиду воцарившегося мира между братьями я разрешаю им еще немного побыть на улице, а сама в изнеможении опускаюсь на скамейку. «Два внука, – думаю я, – это не вдвое тяжелее, чем один, а вдесятеро. Такая вот неправильная арифметика».

Когда мы собираемся уходить домой, выясняется, что Ваня потерял свой новый танк. После долгих совместных поисков я нахожу его в густой траве и в сердцах говорю:

– Все, Ваня, не видать тебе танка, как своих ушей, я его забираю насовсем! Оставил новенькую игрушку в траве и не помнит даже где!

Ваня поворачивается к нам спиной и медленно идет куда-то вдаль, время от времени отмахиваясь рукой и всхлипывая. Мы с Колей смотрим ему вслед. «Эдак он далеко уйдет. Как же быть?» – мелькает у меня в голове.

И тут Коля тихонько говорит:

– Да отдай ты ему танк, бабушка.

Лужа

Замечаю в руках у Коли незнакомую мне маленькую игрушечку.

– Коля, откуда у тебя взялся этот пароходик?

– Мне Артемка подарил.

Артемка – это лучший детсадовский Колин друг. Я удовлетворяюсь ответом и только говорю мимоходом, не озаботившись последствиями:

– Ты ему тоже что-нибудь подари.

На следующий день вижу, что Коля играет уже с двумя маленькими игрушками: со вчерашним пароходиком и автомобильчиком, которого у него раньше не было.

– Коля, откуда у тебя взялся еще и автомобильчик?

– Мне Артемка подарил.

– А ты что-нибудь Артемке подарил? – опять довольно-таки легкомысленно спрашиваю я.

– Я ему подарил свой вертолет.

Вертолет – довольно дорогая игрушка, недавно купленная Коле мамой. Я осознаю свой промах.

– А ты у мамы спросил, можно ли его дарить, ведь это она его тебе купила. И потом, – спохватываюсь я, – Артемкина мама знает, что он подарил тебе пароходик и автомобиль? Ведь об этом надо спрашивать.

– Хорошо, я спрошу, – как-то уж слишком покладисто отвечает Коля.

Но меня подхватывают неотложные большие дела, и я забываю об этих микроскопических игрушках.

В ближайшее воскресенье мы с Колей и Ваней собираемся к Причастию. Несмотря на хлопоты с одеванием Вани, я все же замечаю, что Коля разложил перед собой на столе большое количество игрушек маленького размера. И тут в моей голове что-то проясняется. У меня опускаются руки, я растерянно смотрю на Колю. Он ловит мой взгляд. Мы оба все понимаем.

– А ведь эти игрушки тебе Артемка не дарил, – озвучиваю я наконец свою страшную догадку. – Откуда они у тебя?

– Я взял их из детского садика, – признается Коля.

– Ты у кого-нибудь спрашивал, можно ли?

– Нет...

– Но ведь взять что-нибудь чужое без спроса – это значит украсть. Получается, что ты вор и обманщик.

В сборах, на ходу – мы уже опаздываем в церковь – я говорю еще какие-то правильные слова, негодую, сержусь, но чувствую, что все это не достигает цели... Одновременно я отмечаю про себя, что Колин грех раскрылся как раз перед Причастием. Может быть, это означает, что ему уже пора на исповедь?

На пути к храму посреди дороги раскинулась большая лужа.

– Коля, – предостерегаю я, – иди по краешку, там, где сухо, не торопись.

Коля делает два осторожных шага и, поскользнувшись, падает во весь рост в черную зловонную лужу. Когда он с моей помощью поднимается, я даже не понимаю, что нам теперь надо делать: идти вперед, в храм, или поворачивать назад, домой? Коля, растопырив руки, с которых стекает грязь, с недоумением оглядывает сначала себя, потом смотрит на меня. Грязь, впрочем, стекает у него не только с рук, но и с куртки, и со штанов, и отовсюду...

– Коля, знаешь, почему ты упал в грязь? – Я говорю медленно, сама удивляясь своему спокойствию. – Ведь это Бог показывает тебе, что ты изнутри такой же черненький, как теперь эта курточка. У тебя душа запачкалась от вранья. Ты понимаешь?

– Понимаю, – прочувствованно говорит Коля.

– В таком виде к Причастию идти нельзя, – раздумываю я вслух. – Что же нам теперь делать?

Взглянув на жалкую Колину фигурку с растерянным лицом, я принимаю решение идти вперед: там, в здании воскресной школы, есть кран с водой.

С помощью двух носовых платков я сердито отчищаю куртку, штаны, руки у Коли, смиренно поворачивающегося в разные стороны. Удивительно, что довольно строптивый Ваня в этой ситуации задумчив и терпелив, как никогда.

Результаты чистки оказываются удовлетворительными. Мы бежим в храм и успеваем как раз к Причастию.

На следующий день утром, краснея, заплетающимся языком, я объясняю воспитательнице суть дела. Коля, опустив голову, протягивает игрушки. Воспитательница понимающе смотрит на меня и говорит:

– Хорошо, что ты принес эти игрушки, Коля, теперь все смогут ими играть, а не только ты один. Положи игрушки на место и иди завтракать.

Коля облегченно вздыхает, машет мне рукой и вприпрыжку бежит в группу.

С тех пор прошло уже почти два года, Коля учится теперь в младшей группе воскресной школы, но почти всякий раз, когда мы идем мимо знакомой лужи, у нас происходит примерно такой разговор.

– Помнишь, бабушка, как я упал в эту лужу, а ты меня отчищала в нашей воскресной школе? – говорит Коля.

Ваня подхватывает:

– Это Колю Бог наказал, правда, бабушка?

– Истинная правда, – отвечаю я.

Последний день Помпеи

Однажды летом по какому-то случаю я рассказала Коле с Ваней про вулканы, не поленившись найти в Большой советской энциклопедии серию черно-белых фотографий для наглядности. С тех пор редкий день проходил без того, чтобы кто-нибудь из них не попросил:

– Бабушка, расскажи нам про вулканы.

В доме сохранилось большое количество географических книг, карт и многотомных справочников, собранных еще моим отцом, учителем географии в школе, и мы вдохновенно отыскивали в них изображения и описания всевозможных вулканов, устанавливали их местоположение на карте, рассматривали разрезы кратеров, смаковали красивые звучные названия: Килиманджаро, Кракатау, Ключевская Сопка, Фудзияма.

Любовью к вулканам был заражен также троюродный брат мальчиков Андрюшка, средний из них по возрасту. Появление Андрюшки вызвало новый виток разговоров на эту тему. После очередной вспышки интереса к вулканам я почувствовала себя опустошенной, как потухший Везувий. И тут мне в голову пришла интересная мысль. Как же это я забыла о такой замечательной картине Карла Брюллова «Последний день Помпеи», где изображено извержение вулкана Везувия? Я нашла прекрасную цветную иллюстрацию картины и прикинула, что можно рассказать с ее помощью. Пожалуй, наши разговоры о вулканах могли выйти на другой, возможно даже духовный, уровень. Оставалось дожидаться дежурного возобновления этой темы. Случай не заставил себя долго ждать:

– Бабушка, расскажи нам про вулканы!

Я кладу картину на середину стола и произношу магические слова:

– Это извержение вулкана Везувия, при котором погиб древний город Помпея!

Немая сцена. Три головы склонились над картиной, пожирая ее глазами.

– Видите, на город течет огненная лава, сыпется пепел, рушатся дома, – подбрасываю я дров и в без того раскаленную, как

огнедышащая печь, атмосферу. – А что может означать на этой картине сверкающая молния, как вы думаете?

– Боженька сердится, – догадывается самый маленький из всех – Ваня.

– Да, Он сокрушает статуи ложных богов, которым поклонялись жители Помпеи. Они сами их выдумали, а настоящего, истинного Бога забыли. Грехи их множились, и Господь покарал этих людей.

– И все-все умерли? – трагическим голосом спрашивает Коля.

– Однажды вопрос, похожий на Колин, решился задать Самому Господу Богу один праведный человек по имени Авраам.

Было это очень давно, – начинаю я сказочным голосом свое повествование, – тогда Господь решил уничтожить город под названием Содом, населенный нечестивыми людьми.

Авраам сказал Богу: «Неужели Ты погубишь праведного с нечестивым? Может быть, есть в этом городе пятьдесят праведников?»

Господь сказал: «Если Я найду в городе Содоме пятьдесят праведников, то Я ради них пощажу все место сие».

Авраам опять спрашивает: «Может быть, до пятидесяти праведников не достанет пяти?»

Бог сказал: «Не истреблю, если найду там сорок пять».

Авраам продолжал говорить: «Может быть, найдется там сорок?»

Как вы думаете, – обращаюсь я к своим слушателям, – что ответил Бог Аврааму?

Коля не очень уверенно отвечает:

– Не истреблю...

– Правильно, – киваю я Коле. – И сказал Авраам снова: «Может быть, найдется там тридцать праведников?» Что ответил Господь?

Радостные голоса вразнобой:

– Не истреблю!

– Авраам сказал: «Может быть, найдется там двадцать?» Что сказал Бог Аврааму?

Дружный хор из трех детских голосов:

– Не истреблю!

– Авраам сказал: «Может быть, там найдется десять?» Что сказал Господь?

Ликующее:

– Не истреблю!

– Но в городе Содоме не нашлось даже десяти праведников, – развожу я руками, – их осталось всего четыре. Это была семья праведного Лота. Бог вывел их из опасного места и истребил города Содом и Гоморру.

Вот и в Помпее, видно, не осталось ни одного праведника, если Бог уничтожил этот город.

А теперь – спать! Уже поздно.

– Ну ба-буш-ка-а-а!

Казни египетские

Летом в деревне я почти ежедневно читала мальчикам рассказы из Библии для детей. В тот день мы дошли до египетских казней. Однако выяснилось, что в детской Библии о них только вскользь упоминается.

– А где же казни египетские? – удивляюсь я. – Да ведь это самое интересное, а про них ничего не написано!

– Какие казни? – На меня смотрят четыре заинтересованных глаза. – А ты, бабушка, сама про них расскажи!

– Да их много, я могу запутаться. О, кажется, у нас есть еще одна детская Библия, сейчас я в ней посмотрю...

Но и в другой книге о казнях египетских нет ни слова. Делать нечего, не пропускать же мои любимые египетские казни, и я беру с полки настоящую Библию в красивом розовом переплете.

Рассказывать я начинаю своими словами, следя по Библии, чтобы не перепутать, что за чем идет, но потом в повествование как-то незаметно вкрапляются кусочки библейского текста, и неожиданно я понимаю, что слова Библии очень понятны детям, как будто и написаны для них. И звучат по-особенному: торжественно, красиво, значительно. И я уже без сомнений читаю прямо по Библии:

– И сказал Господь Моисею...

– И сделали Моисей и Аарон, как повелел Господь...

– И вся вода в реке превратилась в кровь... и рыба в реке вымерла, и река воссмердела...

В несколько приемов, с краткими моими пояснениями, уж как Бог на душу положил, мы успешно одолеваем все до одной казни египетские.

Когда в следующий раз я прихожу к детям с детской Библией в руках, маленький Ваня бурно протестует:

– Нет, бабушка, ты не то принесла! Ты неси большую розовую книгу!

Коля горячо поддерживает брата:

– Конечно, бабушка, читай нам настоящую Библию!

Вечерняя беседа

Перед сном, когда Коля с Ваней вытягиваются во весь свой коротенький рост под одеялом, у нас начинается маленькая беседа о том, что случилось за день важного и интересного, плохого и хорошего, грустного и смешного. Все пошло с минувшего лета, обильного на свободное время и всяческие происшествия, и происходило примерно так:

– Знаешь, бабушка, сегодня у нас приключилась беда: мы целый день строили шалаш, а вечером он рухнул, – озабоченно говорит Коля, – Ваню даже немножко ветками завалило.

– Да, меня даже немножко завалило, – печально вторит Ваня, высунув нос из-под одеяла.

– Может быть, вы допустили ошибку в конструкции? Давайте мы завтра вместе посмотрим, как вы крепили каркас, – нарочито профессиональным языком предлагаю я, как-никак конструктор с двадцатипятилетним стажем.

Мальчикам это явно нравится, они тут же включают в свой лексикон слова: конструкция, каркас. Разговор некоторое время крутится вокруг шалаша. Но тут мимо Колиного носа пролетает муха и садится на потолочную балку. Коля с интересом смотрит на расхаживающую вверх ногами муху и задает «вечный» вопрос:

– А почему мухи ходят по потолку и не падают?

Ваня выдвигает свои соображения:

– Потому что их так сотворил Бог!

Чуть помолчав, он тихонько просит:

– Бабушка, расскажи мне про Боженьку.

Такой вопрос дорогого стоит. Я предельно сосредотачиваюсь, рассказывать надо просто, чтобы было понятно маленькому Ване, но и с некоторой новизной, чтобы не наскучить старшему Коле, и торжественно начинаю:

– Бог всемогущ. Это значит, Он все может. Он сотворил солнце и луну. Небо и землю. И все, что на земле.

– И медведя? – Это существо, которое Ваня считает самым могущественным на земле.

– И медведя, и всех животных.

– И человека, – подает голос Коля.

– Да, человек – это самое любимое творение Божие. А Бог – это Святая Троица.

– Бог-Отец, Бог-Сын, Бог-Дух Святой, – чеканит Коля.

– Правильно. Только надо знать, что Святая Троица – это не три Бога, а Единый Бог. Понять это невозможно. Это великая тайна. Надо просто верить, что это так.

Бог Отец послал Своего возлюбленного Сына на землю, чтобы Он спас людей от греха. Поэтому Его называют Спаситель. Это – Иисус Христос.

– Его гвоздиками прибили, а Он все равно воскрес! – радостно добавляет Ваня, который тоже уже кое-что знает.

Я одобрительно киваю ему и продолжаю:

– Бог – Он везде. Он все видит: и хорошие дела, и плохие. Он очень добрый, поэтому не сразу наказывает за злые поступки, а долго-долго ждет, что мы покаемся. Но если мы не исправляемся, то Он нас вразумляет. Сначала через людей. Вот, например, вас бабушка ругает, ставит в угол, вчера даже за крапивой пришлось идти, – я плавно спускаюсь с небес на землю, – надо понимать, что это действует Господь Бог через бабушку. А если вы все равно не слушаетесь, то тогда Бог Сам наказывает таких упрямцев. Кто знает, как Бог может наказать?

– Землетрясением или вулканом? – Для Коли, видно, не прошли впустую наши прошлые разговоры.

– Ну, в общем, да, только, по счастью, вулканов у нас тут поблизости не наблюдается и землетрясений не бывает, а вот заболеть строптивый грешник вполне может или упасть в лужу. Уж лучше потерпеть наказание через бабушку. Правда?

– Правда, – со вздохом соглашается Ваня.

Обо всем сразу сказать невозможно, да и не нужно, и я, на шаривая рукой выключатель, предлагаю:

– Ну а теперь давайте спать!

Коля вскакивает на постели:

– Бабушка, а помолиться? Ты забыла?

Я спохватываюсь, хвалю Колю за то, что он вспомнил о Боге. Коля без паузы и даже с некоторым удивлением отвечает:

– Я каждую минуту о Нем помню!

«Ах вы мои маленькие смешные мальчишки, – думаю я. – С чем вам придется столкнуться в жизни? Как сохранить вас от соблазнов мира? Да и что я могу, если мне самой недостает мудрости, терпения, так что частенько и „Солнце заходит во гнев мое...“ (См.: Еф. 4, 26).»

Все спят, я остаюсь один на один со своими думами, сомнениями, вопросами, привычно беру с полки книгу писем преподобного Макария Оптинского, и – случайно ли? – на глаза сразу попадают удивительные строки о воспитании детей, написанные немного старомодным стилем:

Нынче время тяжко и дни лукавы, попадут в обращение со светом, то много насыплется плевел на доброе семя, так что иногда при всходе и подавят хороший плод.

...Наши дела без помощи Божией ничего не стоят; а потому мы должны просить оную от Бога и смиряться в своей нищете, ибо Он на смиренные призывает, и недоумения наши и ошибки в чем-либо Своим тайным вразумлением и помощью исправит. Говоришь о непослушании их, и не знаешь, чем исправить? – Вразумлением, терпением и помощью Божией... Сей доброе семя, а Господь ниспослет благорастворенный дождь и принесет плод. А ежели что и неудачно кажется, то оставить непостижимому для нас промыслу Божию.

Жития святых

– А кто такой Гарри Поттер? – задает Коля вопрос, от которого у меня внутри все холодеет.

«Ну вот, уже и до детского садика докатилась эта заморская чума», – скорбно думаю я, начитавшись броских заголовков с брошюр против Гарри Поттера.

На Колин вопрос я стараюсь ответить как можно более скучным голосом:

– Кажется, так называется книжка про одного мальчика. По-моему, она совсем неинтересная...

Моя немудреная уловка не приносит желаемых результатов.

– Нет, бабушка, – с жаром говорит Коля, – Артемка сказал, что это очень интересная книжка, а Андрей с мамой даже смотрели спектакль про Гарри Поттера!

Я неприятно удивляюсь: «Ничего себе, уже и со спектаклем подсутились!»

Поразмыслив, решаю: «Врага надо знать в лицо» и в ближайший свободный день отправляюсь в библиотеку за знаменитым детским бестселлером.

– Ну что вы, – удивляется моей наивности библиотекарьша, – весь «Гарри Поттер» на руках. Я могу вас только в очередь записать.

Я записываюсь в очередь на «Гарри Поттера»... Неожидаемое препятствие подогревает мое желание поскорее заполучить книгу. Вспоминаю случай из моего детства. У нас дома была довольно-таки большая библиотека, из которой мне разрешалось брать все, что я захочу, кроме почему-то шеститомного собрания сочинений латышского писателя Вилиса Лациса. На него мама наложила запрет. Надо ли говорить, что все шесть томов Вилиса Лациса были мною тайно прочитаны в первую очередь...

Наконец я приношу домой долгожданную книгу и придирчиво вгрызаюсь в текст. Да, действительно, читается легко, написано увлекательно, много волшебства, приключений – это как раз то, что нравится детям... Однако я довольно-таки злорадно отмечаю и другое: примитивный язык, дешевые шуточки, нагромождение надуманных сюжетных поворотов. Очень низкий художественный уровень. И

вообще я как-то запуталась с этим Гарри Поттером... Если в русских сказках добро и зло всегда противостоят друг другу, то здесь что же получается? Баба-яга с метлой в ступе – это прообраз Гарри Поттера? Или Гарри Поттер в ступе с метлой – это и есть замаскированная Баба-яга? Впрочем, это одно и то же, никакой разницы... Но где же в таком случае здесь добро?

Пытаюсь рассмотреть проблему с другой стороны. Хочу ли я, чтобы мои внуки читали Гарри Поттера? Нет, это чтиво привьет им, как минимум, дурной вкус, запутает их представления о том, «что такое хорошо и что такое плохо». Запретить читать, когда все только об этом и говорят? Я вспоминаю Вилиса Лациса...

Что же противопоставить Гарри Поттеру? Может быть, ничего и не надо противопоставлять, а просто воспитывать в детях хороший вкус? Читать, как читали, русские народные сказки (конечно, не подряд, а с рассуждением), Пушкина, Ершова, Андерсена, Паустовского, Носова... Да мало ли хорошей детской литературы? До всех этих книг мои благодарные слушатели очень охочи.

Не все гладко было у нас с житийной литературой, хотя мне очень хотелось, чтобы дети ее полюбили. Даже переложениям житий святых для детей внуки предпочитали «Приключения Незнайки» или «Барона Мюнхгаузена». Пожалуй, действительно, многие из этих переложений страдают тяжеловесностью слога, написаны скучно, как будто не для детей... Дело пошло лучше, когда я стала просто пересказывать жития святых своими словами или читать их выборочно, с большой осторожностью упоминая о мучениях, стараясь избегать излишних жестоких подробностей.

Чтобы отыскать интересные для детей моменты из жизни святых, я прочла множество патериков, отечников, лавсаиков, миней, настольных книг для священнослужителей. И, надо сказать, с огромной пользой для себя. Как много встречается в них ярких, запоминающихся, поучительных, без скучного назидания сказаний о послушании, честности, трудолюбии, терпении, как много в них смешного и парадоксального, особенно если сравнивать с нашими современными привычками и представлениями...

Вот далеко не полный перечень самых любимых у обоих мальчиков житий:

«Житие святого Илии Пророка» (о том, как ворон приносил ему хлеб и мясо, как Бог не принял жертву волхвов, а жертву святого Илии попалил вместе с водой и камнями).

«Как святой великомученик Георгий победил змия».

«Как святая Екатерина жениха выбирала».

«Как святую Варвару отец воспитывал в неприступной башне, а она все равно поняла, что Бог есть, и приняла христианство».

«О сорока мучениках, в Севастийском озере пострадавших» (про баню; про воина, сторожившего мучеников, и про венцы, с неба сошедшие).

«О дружбе святого Никифора с Саприкием и о том, почему Саприкий не стал святым».

«Как святой князь Владимир веру выбирал; как он ослеп, а потом прозрел; как он преобразился после крещения».

«Как святитель Алексей Московский исцелил ослепшую жену хана Тайдулу».

«Житие святого блаженного Николая Кочанова» (как он побежал по реке Волхов, как посуху, за мнимым противником блаженным Феодором и бросил в него кочан капусты).

«Как святой блаженный Прокопий Устюжский спас город Устюг от каменной тучи».

«Из житий святого преподобного Сергия Радонежского и святого праведного Иоанна Кронштадского» о том, как им не давалось учение, а потом они стали первыми учениками.

«Житие святой праведной Иулиании Лазаревской» (как во время голода она кормила людей хлебом с корой и лебедой, а он был вкуснее, чем хлеб из чистой муки).

Из «Достопамятных сказаний о подвижничестве святых и блаженных отцов»:

об Авве Евпрепии и ворах,

об Авве Агафоне и прокаженном,

о послушании Марка, любимого ученика Аввы Силуана,

о честности Аввы Агафона,

о плоде послушания Аввы Иоанна Колова,

молитва о дожде Аввы Ксоия.

Смешные случаи со святыми отцами, их шутки и юмор представляют для нас особую ценность, мы даже собираем такие

вырезки и выписки в отдельную папку и достаем ее, когда нам бывает грустно.

Попутно я обратила внимание на то, что дети с большим интересом слушают жития, в которых упоминаются животные. Теперь уже не я предлагала, а мои внуки просили почитать им про льва преподобного Герасима, про медведя преподобного Серафима, про кота старца Нектария. И я неутомимо отыскивала во всех православных магазинах и на всех выставках книги, в которых бы рассказывалось о дружбе святых людей и зверей.

Особенной любовью у Коли и Вани пользуется довольно толстая книга с прекрасными цветными иллюстрациями о жизни и чудесах святителя Николая Чудотворца. Когда они принесли мне ее для прочтения в пятый раз подряд, мне показалось, что мы все же одержали маленькую победу в невидимой битве с Гарри Поттером и иже с ним.

Рождественские пряники, или *Рассказ о том, как мы возрождали православную традицию*

Пряничная идея витала в воздухе давно: мне уже было известно о старинном русском обычае одаривать на Рождество детей и взрослых расписными пряниками, у меня дома лежала книжка о красивейших архангельских пряниках с необычным названием «козули», однако дело не продвигалось дальше неясных размышлений на эту тему.

И вот как-то раз я попала на празднование Рождества в фольклорный клуб «Домострой». В конце праздника нас пригласили на чаепитие, во время которого хозяева торжественно внесли внушительной величины холщовый мешок и стали вынимать из него и дарить гостям с шутками-прибаутками большие нарядные пряники, расписанные белой и розовой глазурью по темно-коричневому полю. Пряники имели форму различных животных и птиц. Там были олени, медведи, зайцы, кони и даже коровы. Мне досталась необычная, сказочного вида птица. Помню, какую радость доставил мне этот подарок: «Так вот они какие, настоящие рождественские „козули“!» Я удивилась, увидев, что мой сосед ест своего пряничного медведя... Пряник конечно же для того и пекли, чтобы съесть, но моя птица вот уже много лет хранится у меня дома и до сих пор пахнет медом, пряностями, сказкой и Рождеством...

Там же, в «Домострое», я раздобыла и старинный рецепт приготовления теста для «козуль». С тех пор за несколько дней до Рождества вместо беготни по магазинам в поисках подарков друзьям и знакомым у нас дома совершается интереснейшее творческое действие, ставшее уже традицией в нашей семье. Особое значение оно приобрело, когда мои внуки подросли настолько, что могли принимать в нем участие. Однажды я попыталась записать, как это происходит, и вот что из этого получилось.

Каждый год накануне Рождества мы собираемся почти всей семьей и печем рождественские пряники для подарков. Самые главные пекари конечно же Коля с Ваней. Взрослым при этом приходится проявлять известное терпение. Вот Ваня завладел скалкой и уже несколько минут

трудолюбиво раскатывает кусочек теста в лепешку. Вся наша работа по производству пряников парализована. Мы безуспешно пытаемся заполучить у Вани скалку. Проще оказывается разыскать – хоть и не очень в этом случае удобную – толкушку для картофеля. Затруднение преодолено, изготовление пряников продолжается.

По ходу дела я напоминаю, какие фигурки можно вырезать из раскатанного теста: оленя, птицу, коня, то есть настоящую архангельскую «козулю», или что-то, имеющее отношение к Рождеству, например восьмиконечную звезду.

Заодно интересуюсь:

– Кто помнит, как называется звезда, которая привела волхвов поклониться Христу?

– Волхвиемская! – первый поспел с ответом Ваня.

– Вифлеемская! – поправляет его Коля и от смеха роняет на пол кусочек теста.

Я ворчу:

– Ну вот, уронил тесто, теперь оно будет грязное...

– А у нас дома мама пол моет, – укоризненно говорит Коля.

– Бабушка, а можно слепить медведя? – спрашивает Ваня.

– Можно и медведя, и зайца, и лису, – разрешаю я. – Ведь когда родился Иисус Христос, то животные тоже пришли поклониться Ему.

– Пришли вол и осел, да, бабушка? – торопится показать свои знания Коля.

– Да, на иконе Рождества можно увидеть, как вол и осел заглядывают в ясли, где лежит Младенец.

Ваня счастливо смеется, ему очень понравилось, что ослик тоже пришел заглянуть в ясельки и поклониться новорожденному Младенцу. Я догадываюсь почему: дома мы частенько называем Ваню маленьким упрямым осликом, так что он уже сроднился с этим словом. Ваня требует показать ему ослика на иконе. Мы целой процессией идем в дальнюю комнату, где стоит икона Рождества. По дороге я успеваю напомнить, что иконочка не картина, что ее нельзя разглядывать долго, что надо поцеловать сначала. Шепотком объясняю и про ослика, и про ангелов, и про волхвов.

Когда мы снова возвращаемся на кухню и я поворачиваюсь, чтобы положить вырезанную из теста «козулю» на противень, то оказывается, что он уже весь занят Ваниными изделиями: колобками, колбасками и

какими-то змеями. Их так много, что они даже лежат друг на друге. Я незаметно убираю несколько колбасок и парочку змей. В тех же целях Коли-Ванина мама предпринимает отвлекающий маневр:

– Как вы думаете, какую еще фигурку можно вырезать к Рождеству?

Коля придумывает сделать снеговика и елочку. Ваня упорно катает очередную змею.

Мама продолжает развивать рождественскую тему:

– А кто первый сказал, что в Вифлееме родился Спаситель?

– Бабушка сказала! – радостно выкрикивает Ваня.

Ответ нельзя признать верным, но мне он нравится. Мама формулирует вопрос иначе:

– Кто рассказал пастухам о рождении Спасителя?

И получает от Коли правильный ответ:

– Ангел!

Мы его хвалим, и Коля, вдохновленный успехом, просит:

– Спросите у меня еще что-нибудь!

В результате получается импровизированная рождественская викторина.

Так за разговорами работа незаметно подходит к концу. Но вырезать и испечь пряники – это только полдела. Самое интересное впереди. Пряники надо расписать специально приготовленной глазурью разных цветов. Это увлекательнейший творческий процесс. После перерыва на обед Коля с Ваней вооружаются кисточками. Тут нам всем надо быть начеку, потому что теперь можно легко прилипнуть к столу, за которым сидит Ваня, к стулу, на котором сидит Ваня, и к самому Ване. Все покрыто сладкой глазурью. Но зато и пряники приобретают нарядный, праздничный вид. По коричневому полю разбегаются сахарные зигзаги, точки и загогулины. Самые красивые пряники откладываются для батюшки и Колиной учительницы воскресной школы.

На Рождество пряниками одариваются друзья, гости, соседи. Хватает на всех. И неизвестно, кто получает большее удовольствие, одариваемый или даритель.

А вот и старинный рецепт настоящих рождественских пряников, если кто-то захочет повторить это увлекательное дело:

Архангельские «козули»

2 стакана сахара пережечь на сковороде, влить 3/4 стакана воды. Отделить 2 желтка, взбить их с двумя столовыми ложками сахара. Взбитые желтки положить в сковородку, туда же добавить 200 г масла, неполную чайную ложку соды (погашенной уксусом) и пряности (корица, гвоздика), затем добавить муку (примерно 1 кг).

Глазурь: 2 белка взбить с двумя столовыми ложками сахарной пудры и добавить краситель (сок клюквы, свеклы, моркови). Этими взбитыми белками расписывают «козули».

Евангелие от Марка

Долгое время я читала Коле и Ване Библию в переложении для детей. Но после случая с египетскими казнями решаюсь на чтение Евангелия от Марка в Синодальном переводе. Заранее, как к уроку, готовлюсь к объяснению непонятного и совместной беседе о прочитанном.

Перед началом чтения подготавливаю почву:

– Сегодня мы с вами начнем читать **НАСТОЯЩЕЕ ЕВАНГЕЛИЕ**. Раньше мы читали только детское. Но теперь вы уже большие и мы будем читать Евангелие от Марка. Почему оно так называется, от Марка? Правильно, потому что его написал евангелист Марк.

Я читаю совсем небольшой кусочек, опасаясь, что для детей это будет сложно и может быстро надоест. По ходу чтения поясняю непонятные слова и выражения, потом беседуем о прочитанном. Наконец я закрываю Евангелие и встаю из-за стола.

Неожиданно для меня маленький Ваня просит:

– Читай, бабушка, дальше.

Поколебавшись, читаю еще немного, объясняю, беседуем, и я снова встаю из-за стола:

– Ну, на сегодня хватит.

К моему удивлению, Коля горячо протестует:

– Нет! Нет! Ну пожалуйста, читай еще!

Ваня со властью говорит:

– Читай!

Читаю в третий раз. Объясняю. Решительно закрываю Евангелие и встаю из-за стола.

И тот и другой выражают бурное неудовольствие. Коля даже стонет:

– Ну почему так мало?

Примерно за один летний месяц нами было прочитано все Евангелие от Марка.

Гвоздяная дорога

Как-то раз я читала Коле с Ваней отрывок из воспоминаний православного москвича о своем детстве. На всю жизнь остался в его памяти яркий, имеющий глубокий смысл рассказ няни Пелагеи о том, как в жизни найти правильную дорогу, ведущую в рай: «Перед тобой будут две дороги. Одна дорога – красивый мягкий ковер, на ковре много цветочков и конфет. Другая дорога вся утыкана остриями ржавых гвоздей. Тебя подведут к красивой дороге и скажут: „Иди, это дорога хорошая. Собирай и нюхай цветочки, ешь конфеты“. Ты их не слушай. Иди по гвоздяной дороге. Будет страшно – не бойся, молись Богу. Эта дорога ведет в рай. А мягкая, конфетная дорога идет прямо в ад».

Закончив чтение, я спрашиваю мальчиков:

– Ну а вы какую бы себе выбрали дорогу: конфетную или гвоздяную?

– Конфетную, – легкомысленно отвечает маленький Ваня, видимо не вникнув глубоко в суть дела.

Но тут у меня появляется неожиданная поддержка со стороны Коли:

– Нет, Ваня, если есть много конфет, то потом доктор будет зубы сверлить. – Он недавно испытал на себе неприятные последствия сладкой жизни. – Бабушка, а почему с этими дорогами все наоборот: красивая дорога ведет в ад, а гвоздяная – в рай?

– Это значит, что кто-то хочет нас запутать, чтобы мы не нашли правильную дорогу. И этот кто-то – дьявол со своими помощниками-бесами. На дороге, которая ведет в ад, они постелили ковры, насыпали конфет, цветов...

– А на дороге в рай натыкали ржавых гвоздей! – подхватывает Коля.

– Да, поэтому правильная дорога всегда трудная. Трудно маму слушаться? А надо. Не хочется утром постель заправлять? А ты пересиль себя. Хочется конфету взять, когда мама не разрешает? А ты скажи себе: «Не буду!» Это и есть трудная гвоздяная дорога. Вот она-то и ведет в рай, где все всегда радуются. Так и в Евангелии написано: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и не многие находят их».

Я встаю, чтобы поставить книгу на место. За моей спиной слышатся голоса:

– А ты, Ванька, хотел по конфетной...

– Нет! Я по гвоздяной...

Эхом откликаются в моей душе горькие евангельские слова: «тесны врата и узок путь... и не многие находят их...»

Трудный разговор

– Я не люблю своего папу, – угрюмо глядя в одну точку, сообщает Коля.

Мне известно, откуда дует ветер. Накануне папа наказал его за серьезную провинность. Конечно, папа погорячился... Мне кажется, что вполне можно было бы обойтись без ремешка, но, когда отцы берутся за дело воспитания своих чад, мамы и бабушки не должны соваться в этот процесс. Папа всегда прав, даже если он не прав... Нам в этом случае остается только молитва. Но сейчас надо что-то делать, нельзя, чтобы Коля оставался озлобленным.

– Ну, во-первых, ты вчера сам был виноват. Во-вторых, то, что папа тебя наказал, доказывает, что он тебя любит.

– Как это «любит»? Когда любят, то не бьют, – убежденно говорит Коля.

– Если бы папа тебя не любил, ему было бы все равно, какой ты вырастешь. А папе не все равно. Он хочет, чтобы его сын вырос хорошим человеком. В-третьих, даже в Библии написано, что отец не должен жалеть розг для воспитания сыновей.

– В Библии написано? – изумляется Коля.

– Да, в Библии, – подтверждаю я. – Сейчас найду... Вот, смотри: «Наказывай сына своего, доколе есть надежда, и не возмущайся криком его». И дальше: «...кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына, а кто любит, тот с детства наказывает его».

По Колиному лицу видно, что это для него открытие, которое перевернуло весь ход его мыслей. Я понимаю, что больше ничего говорить не надо, и только сочувственно спрашиваю:

– Больно было?

– Нет, – расплывается Коля в улыбке до ушей, – совсем не больно, я как раз надел очень толстые джинсы!

Мы оба весело смеемся.

И снова трудный разговор

– Бабушка, – печально говорит Ваня, – у нас папа – плохой.

– Почему это? – удивляюсь я.

– Он пьет вино и курит.

– Когда это было, чтобы папа пил вино? – Я тяну время, чтобы собраться с мыслями.

– К нам вчера приходили гости, и папа пил вино и курил, – доверительно сообщает Ваня.

– А что, когда приходят гости, то нельзя пить вино?

– Нельзя, вино пьют только пьяницы, – убежденно говорит Ваня.

Вижу, что Коля оторвался от игры и напряженно прислушивается к разговору.

– Нет, Ванечка, взрослым можно пить вино, но только немного, в меру. А папа никогда не пьет много вина.

Тут в разговор вступает Коля:

– А Бог разрешает пить вино?

– Да, Бог разрешает пить вино. Самое первое чудо, которое Бог совершил на земле, было превращение воды в вино.

– А зачем пьют вино? – Это опять Коля.

– Для радости и веселья. Это чудо как раз и произошло, когда люди веселились на свадьбе в Кане Галилейской.

– А детям можно пить вино? – Похоже, Колю не на шутку волнует проблема винопития. С чего бы это?

– Детям пить вино ни в коем случае нельзя. – Я судорожно размышляю, что бы такое сказать весомое, что может произвести впечатление. – Например, если малыша, который только-только родился, накормить... борщом! Что с ним будет?

– Наверное, он умрет, – говорит Коля.

– Правильно, ему можно давать только молочко из сосочки. Так и с вином. Вино разрешается пить только взрослому, а дети от этого могут даже умереть. А папа у вас очень хороший. Он вас любит и заботится о вас. Кто купил вам новые велосипеды?

– Папа.

– Кто возит вас на машине в деревню?

– Папа.

– Кто ездит с вами за грибами, берет с собой на рыбалку? Опять папа. Такого папу поискать надо! Но вы должны знать, что у каждого человека, который живет на земле, обязательно есть какие-нибудь недостатки. Конечно, это неправильно, что папа курит, он очень вредит этим своему здоровью. Но осуждать папу за это нельзя. Можно только молиться о том, чтобы Бог помог ему бросить курить. И все. Или, например, другой случай: папа вас наказывает, а вам кажется, что это неправильно. Как тут надо поступить?

– Надо потерпеть, – со вздохом говорит Коля, у которого уже была возможность поразмышлять на эту тему.

Страх наказания

Коля провинился и теперь сидит в кухне на табуретке наказанный и очень сердитый. Я готовлю ужин и одновременно жду от него извинений за поведение.

Ничего не дождавшись, спрашиваю:

– Ну, Коля, ты придумал, что надо сделать?

– Я *никогда* не попрошу у тебя прощения, – дерзко отвечает Коля.

– Ну что ж, в таком случае пусть папа решает, как с тобой поступить. Иди!

– Нет! Я еще немного посижу, подумаю, – с поспешностью говорит Коля.

Он явно не хочет иметь дело с папой, быстренько сообразив, что там разговор будет мужской и еще не факт, что дело обойдется без ремешка. Тем более что прецедент с ремешком уже был.

Ровно через полминуты Коля проникновенно говорит:

– Бабушка! Прости меня, пожалуйста.

Я с печалью признаю победу за папиными методами воспитания.

– Коля, я тебя прощаю и понимаю, как трудно тебе было попросить прощения. Но и ты пойми, что сказал эти слова не по любви, а из страха наказания.

Некоторое время мы молчим, каждый по-своему ощущая облегчение от разрядившейся обстановки. Мне показалось, что можно продолжить разговор:

– Конечно, страх бывает разный. Как ты думаешь, Коля, страх – это хорошо или плохо?

Из двери моментально высовывается Ванина голова:

– Плохо!

– А мне кажется, – размышляю я вслух, – что пока нет послушания по любви, и это хорошо. Разве плохо, если человек, хотя бы из страха наказания, не будет делать дурных дел, а будет совершать добро? Может быть, потом и любовь придет. По делам вашим добрым.

Ваня куда-то исчезает, но тут же возвращается со шваброй, с совочком для мусора и торжественно сообщает:

– Я сейчас подметать буду!

И действительно, подметал, собирал мусор в совочек, потом принес тряпку, мыл пол на кухне и все это время, минут пятнадцать, приговаривал:

– Это добрые дела... Это за Колю... И для мамы... И для Бога... Я в рай хочу попасть...

Тюря

Мы пришли с длительной прогулки домой усталые и очень голодные. Все, не сговариваясь, гурьбой направились в кухню, где и выяснилось, что есть нечего...

Ругая себя за непростительное легкомыслие: прогулка прогулкой, а детей-то кормить надо, я начинаю думать, как спасти положение. Вопрос о том, чем накормить семью во время поста, – всегда большая головоломка для хозяйки, а тут еще и время поджигает: маленький Ваня уже хнычет, у Коли явно портится настроение. Я прикидываю свои возможности: в наличии оказывается всего ничего – несколько вареных картофелин и половинка слегка подчерствевшего черного хлеба... И тут, как это часто бывает в стесненных обстоятельствах, в голову приходит необычная идея. Делать нечего, и я решаю рискнуть:

– Сейчас мы все вместе будем готовить замечательное старинное блюдо, которое русские люди ели во время поста. Называется оно – тюря, – говорю я бодрым голосом.

– А это быстро, бабушка? Есть очень хочется, – спрашивает Коля без особого энтузиазма.

– Быстрее не бывает. И потом, мы все будем делать с удвоенной скоростью, по-солдатски! Коля, доставай глубокие тарелки и ставь их на стол. Ваня, раскладывай большие ложки. – Я стараюсь отдавать команды по-военному четко, и это производит необходимое впечатление: ребята бросаются к буфету.

В каждую тарелку кладу по щепотке соли и наливаю холодную кипяченую воду из чайника.

– Теперь берите ложки и размешивайте соль, пока она не растворится.

Весело стучат ложки в тарелках, а я тем временем режу картошку мелкими кубиками.

– Все-все, стоп! Мешать больше не надо, а то вас придется развешивать на прищепках для просушки... – Взрыв хохота показывает мне, что я на правильном пути. – Коля, беги в огород, принесишь оттуда десять перьев зеленого лука, а ты, Ваня, раскладывай картошку по тарелкам. Всем поровну.

Пока Ваня усердно делит картошку, незаметно отправляя в рот то, что упало на стол, я режу хлеб на кубики. Тем временем прибегает с огорода запыхавшийся Коля, держа в вытянутой руке перья лука, как букет цветов. Я поручаю ему раскладывать по тарелкам кусочки хлеба, а сама мою и режу зелень, сопровождая некоторыми пояснениями свои действия:

– Лук надо посолить и потолочь ступкой, так будет вкуснее. Его мы тоже положим в тарелки. Вот так. Теперь надо каждую порцию заправить ложкой подсолнечного масла и все еще раз перемешать. Ну вот и готово. Ох! Самое главное забыли!

Я достаю бутылочку со святой водой и крестообразным движениемвливаю по несколько капелек в каждую тарелку. Две пары голодных глаз внимательно отслеживают все мои действия. Наконец мы дружно затагиваем «Очи всех...» и садимся за стол.

– Бабушка, а почему ты раньше никогда не готовила нам тюрю? – спрашивает Коля с набитым ртом.

– Тебе понравилось?

– Конечно, такая вкуснятина! Ты нам всегда теперь готовь тюрю. Правда, Ваня?

– Конечно, тюрю! Такая вкуснятина! – бесперебойно работая ложкой, вторит Ваня, обычно очень разборчивый в еде.

– Мы теперь с Ваней с голоду не пропадем, – солидно говорит Коля, – если что, тюрю-то мы готовить уже умеем!

Через несколько минут все съедено вчистую. Поистине голод – лучшая приправа к еде!

Когда на следующий день я зову детей на вкуснейший обед, они разочарованно протягивают:

– А почему же не тюря?

Да и позже ребята частенько спрашивали меня:

– Бабушка, а когда же мы опять будем готовить тюрю?

Через некоторое время в деревню приехали папа с мамой. Мама решила побаловать сыновей чем-нибудь вкусненьким и спросила, какое блюдо у мальчиков самое любимое? К моему великому смущению, они хором ответили:

– Тюря!

Что бывало

После вечерней сказки и молитвы уютно устроившийся под одеялом Ваня просит:

– А теперь, бабушка, расскажи, что с тобой бывало.

– Только расскажи не одно «Что бывало», а три «Что бывало», – делает заказ Коля.

– Нет, лучше пять «Что бывало»! – входит во вкус Ваня.

«Что бывало» – это коротенькие рассказы, которые я вылепливаю прямо на ходу, о том, что бывало в моей жизни, когда я была маленькой: о каких-то смешных и не очень смешных случаях, приключениях, событиях. И не обязательно, чтобы когда я была маленькой, а можно и когда большой. И не обязательно, чтобы в моей жизни, а в любой. Но только чтобы обязательно это было *на самом деле*.

Традиция почти ежевечерних «Что бывало» длится у нас вот уже несколько лет. Неожиданно получилось, что за это время в простеньких кратких рассказах я поведала мальчикам всю свою жизнь, а также все, что я помнила из жизни своих родителей, из жизни своих дедов и прадедов, бабушек и прабабушек, многочисленных близких и дальних родственников. Особенно ценилось все, что я знала из фронтовой жизни моего отца, Коли-Ваниного прадедушки Ильи, прошедшего всю войну, участника Сталинградской битвы.

– Ну что, рассказать вам, как дедушка Илья был на войне?

– Конечно, рассказать!

Я медленно, собираясь с мыслями, начинаю:

– Однажды дедушка пошел...

– В разведку? – с круглыми глазами спрашивает Коля.

– Да нет, в баню.

– В ба-аню? – разочарованно протягивает Коля.

– Ну да, на войне ходят не только в разведку, но и в баню. Так вот, дедушка пошел мыться в баню. Быстро вымылся, оделся и только-только подошел к своей части, как немцы начали артобстрел, то есть принялись стрелять из артиллерийских орудий. Один снаряд на глазах у дедушки попал в баню, и все, кто там был, погибли. Это называется: прямое попадание... А наш дедушка чудом остался жив.

– А дальше что было?

– А дальше... дальше наш дедушка начал обстреливать немцев, он ведь служил в артиллерийских войсках.

– А потом?

– А потом начался налет фашистской авиации. Один самолет спикировал прямо на дедушку, но он не растерялся и сразу скатился в воронку от бомбы, только шинель осталась наверху. А когда самолет улетел и дедушка выбрался наверх, то увидел, что вся его шинель изрешечена пулями... Таких случаев было очень много. Но за всю войну, а дедушка был на войне с первого дня до последнего, у него не было ни одной раны, ни одной пулевой царапины. Наверное, Бог для чего-то хранил нашего дедушку. А без воли Божией даже волос с головы человека не упадет.

После одного из таких рассказов о том, как прадедушка был на войне, Коля в один присест сочинил длинное вдохновенное стихотворение о нашей всеми любимой деревне, о доме, который построил прадедушка после войны, и о самом прадедушке, которого Коля видел только на фотографиях. Стихотворение, до слез растрогавшее прабабушку Олю, заканчивалось следующими строками:

Не забуду, помнить буду
Все, что слышал я о нем...

«Всегда радуйтесь....» (1 Фес. 5, 16)

По православному радио читали отрывок из детского романа Элинор Портер «Поллианна». Главная героиня этого произведения, девочка по имени Поллианна, во всех жизненных неприятностях старалась найти что-нибудь, чему можно было бы порадоваться. Это была игра, которую придумал ее отец. Фабула романа показалась мне надуманной и искусственной. «Ну в самом деле, – возмущалась я, – разве можно „играть в радость“»? Тем не менее занимательный сюжет услышанного отрывка застрял в голове.

Вскоре после этого случая, это было как раз накануне Рождественского поста, я шла в школу за Колей, и с каждым шагом у меня портилось настроение. Да и то сказать, пост еще не начался, а в витринах магазинов уже мерцают неоновые Санта-Клаусы, на улицах и площадях сверкают разноцветными огнями новогодние елки, взрываются петарды. Все это меня очень раздражало и мешало настроиться на предстоящий пост. Вздвогнув от взрыва очередной петарды, я вспомнила про Поллианну: «Может быть, вместо того чтобы раздражаться, надо сделать попытку найти в этом что-нибудь хорошее?» Я призадумалась. И ахнула! Да ведь все эти многочисленные Деда Морозы с елочками за спиной всячески стараются напомнить прохожим, что впереди их ждет радость, праздник, Рождество! И я уже с большой симпатией взглянула на сияющего Деда Мороза, сообщавшего мне эту великую весть!

Своим открытием я поделилась с Колей и предложила ему вспомнить что-нибудь очень плохое, что с ним случилось в жизни, чтобы найти, чему бы тут можно было порадоваться. Неожиданно спина у моего внука сторбилась, по челу пробежала тень, видимо, у него в памяти всплыло что-то очень неприятное. Я застыла в ожидании.

– Что же тут, бабушка, может быть хорошего, если мне на продленке, когда мы вчера играли в футбол, попали грязным мячом прямо в лицо! И все надо мной смеялись. А потом старались опять попасть мне в лицо.

Вот так, если бы не Поллианна, я могла бы и не узнать о Колином горе.

– И ты плакал?

– Да...

– Хочешь, я тебя научу маленькой хитрости, которую надо было применить в этом случае? Надо было собрать в кулак всю свою волю и вместе со всеми... расхохотаться! Тогда бы у ребят пропала охота тебя дразнить. Можно даже потренироваться дома, как ты будешь весело хохотать, если вдруг опять понадобится. Но все же давай подумаем, что в этой истории было хорошего?

– Хорошее то, что это как будто ученье... Ну, на будущее.

– Понятно, чтобы стать крепче духом. А еще, знаешь, что в этом хорошего? А то, что теперь, если при тебе попадут грязным мячом в лицо какому-нибудь человеку, ты не будешь над ним смеяться и даже сможешь посочувствовать ему.

Внук призадумался, видно было, что игра ему нравится.

– Бабушка, а что хорошего в теракте?

Легких вопросов у него сегодня для меня не находится.

– Да, это задача на засыпку, – признаюсь я, – но все же подумать можно... А вот что! Это ведь сигнал для милиции и для власти о том, что в государстве что-то неблагополучно и надо принимать меры, чтобы не допустить еще большей беды. Например, еще более крупных терактов, или какого-нибудь государственного переворота, или даже войны. И потом, когда случается беда, то люди объединяются, начинают задумываться о том, о чем раньше не думали: о смерти, о смысле жизни, о Боге. Многие потом приходят креститься.

– Бабушка, надо обязательно Ване рассказать про эту игру!

Когда мы наконец добираемся до детского садика, Коля тут же начинает рассказывать Ване про игру. Потом спрашивает нетерпеливо:

– Ну, Ваня, говори, что у тебя сегодня случилось плохого?

– Ничего не случилось, – беспечно натягивая колготки, отвечает Ваня.

– Ты, Ваня, подумай! Может быть, ты с кем-нибудь подрался? – с надеждой в голосе спрашивает Коля.

– Ни с кем я сегодня не дрался! – возмущается Ваня.

– Ну подумай хорошенько, может быть, все-таки что-нибудь случилось? – продолжает упрашивать Коля.

– Да, случилось! – вспоминает Ваня, лицо у него мгновенно приобретает горестное выражение, а по щекам тут же катятся слезы.

Я даже пугаюсь:

– Да говори же, Ваня, что случилось?

– Нам сегодня на обед давали яблоки. Я свое яблоко не съел, а оставил для Коли. Когда мы пошли гулять, я положил его в карман. Наверно, когда я прыгал, оно и вывалилось. Я его искал-искал и не наше-е-ел! – почти рыдая заканчивает Ваня свою грустную историю.

– А где ты прыгал? – озабоченно спрашивает Коля.

Ванина печаль распространилась и на него, ведь потерянное яблоко Ваня хотел отдать брату!

– Его нигде нет, наверное, его кто-то взял! – убивается Ваня.

– Ванечка, – я пытаюсь утешить малыша, – все-таки здесь есть и хорошее. Может быть, шел голодный человек и вдруг увидел, что на травке лежит свежее румяное яблоко...

– Нет, оно было зеленое!

– Голодный человек увидел на травке свежее зеленое яблоко! Он очень обрадовался, – продолжаю я фантазировать, – поднял его и съел!

– Что же тут хорошего? Ведь это было мое яблоко, а он его съел! – причитает Ваня, размазывая грязные слезы по щекам.

– Знаешь, Ваня, – Колино лицо просветляется, – все-таки тут есть хорошее. Хоть яблоко и потерялось, а мне все равно приятно, ведь это яблоко ты оставил для меня!

«Солнце да не зайдет во гневе вашем» (Еф. 4, 26)

Как-то раз священник нашего храма, имеющий троих детей, упомянул, что в их семье принято каждый вечер перед сном просить друг у друга прощения. Этот обычай мне очень понравился, и я стала прикидывать, нельзя ли применить его в условиях нашей семьи, для начала хотя бы между мной и мальчиками. Правда, меня немного смущал вопрос: не притупится ли смысл этих слов от ежедневного повторения? Однако авторитет батюшки перевесил, и я решила попробовать.

На счастье, мне попался хороший детский рассказ как раз на эту тему. В нем говорилось про ссору двух друзей и про мудрого старика, который объяснил одному из мальчиков, что мириться друг с другом надо обязательно до захода солнца. Рассказ так и назывался: «Солнце да не зайдет во гневе вашем». Я прочитала рассказ вслух. Потом, по обыкновению, мы немножко поговорили о прочитанном и решили, по примеру друзей из рассказа, всегда мириться до захода солнца. И даже если никакой ссоры не будет, все равно каждый вечер просить друг у друга прощения. Ведь мы могли обидеть человека ненароком и не придать этому значения; или просто забыть, что кого-то обидели.

Не откладывая дела в долгий ящик, я после вечерней молитвы подхожу к Коле:

– Коля, прости меня, пожалуйста, если я тебя сегодня чем-то обидела.

Коля легко откликается:

– И ты меня, бабушка, прости.

Я поворачиваюсь к Ване:

– Прости и ты меня, Ванечка.

Ваня солидно отвечает:

– Бог простит, и ты меня прости.

Где он мог научиться такому правильному ответу? Некоторое время я пребываю в приятных раздумьях по этому поводу и еще не догадываюсь, что попросить прощения у меня мальчиком оказывается гораздо легче, чем примириться друг с другом. Наконец я замечаю, что

между ними что-то происходит: какие-то непонятные переглядки, смешки... Вдруг, еще раз смущенно хихикнув, Коля с трудом выдавливает из себя:

– Прости меня, Вань, пожалуйста...

Ваня, тоже глупо хихикнув и не глядя на Колю, говорит:

– И ты, Коль, меня прости...

Эта «прощальная» традиция на удивление легко у нас прижилась, и даже если я в суете забывала о ней, кто-нибудь из мальчиков перед сном обязательно напоминал с укоризной:

– А прощения просить, бабушка? Ты забыла?

Но однажды, когда Коля с Ваней были у нас с бабушкой в гостях, произошла неожиданная заминка... Я уже разложила мальчиков на ночь по разным комнатам – это неременное условие для того, чтобы они уснули, – как вдруг Коля вспомнил:

– Бабушка, прости меня, пожалуйста!

После церемонии «прощания» он уже мне вслед кричит:

– И у Вани попроси за меня прощения!

Я иду к Ване комнату, мы с ним благополучно «прощаемся». Уже в дверях я спохватываюсь:

– Ах да! Коля тоже просит у тебя прощения!

Неожиданно Ваня сурово сдвигает брови и набычивается:

– А я его не прощаю!

– Что случилось?

– Не скажу, – твердо говорит Ваня.

Если уж Ваня уперся, то тут ничего не поделаешь. Я иду в комнату к Коле.

– Представляешь, Коля, Ваня тебя не прощает! В чем дело?

Коля даже привстает на постели:

– А что Ванька говорит?

– Ничего не говорит, молчит как партизан.

Коля удовлетворенно хмыкает.

– Ты ему скажи, что я у него очень-очень прошу прощения.

Я снова иду к Ване и передаю Колины слова.

– А я его все равно не прощаю! – Ваня поворачивается лицом к стенке.

– Ваня, ты понимаешь, что если ты не простишь Колю, то тебе завтра нельзя будет подойти к Причастию. Всех причастят, а тебя не

причастят. Говори, что случилось!

– Коля меня два раза стукнул по шее и сломал машинку, которую я собрал из конструктора! – У Вани из глаза выкатывается крупная слеза.

Я иду к Коле.

– Коля, ты почему два раза стукнул Ваню по шее и сломал у него машинку?!

– А он... – запальчиво начинает Коля.

– Ничего не «он»! Ты понимаешь, что если Ваня не сможет тебя простить, то его завтра не причастят. Всех причастят, даже тебя, а его не причастят! Надо что-то делать!

– Ну ладно, скажи Ване, что я завтра починю ему машинку. И еще сделаю бумажный самолетик, как он хотел...

Я иду к Ване.

– Ваня, Коля сказал, что он завтра починит твою машинку. И еще сделает бумажный самолетик, как ты хотел.

– С ребрами жесткости? – деловито интересуется Ваня.

– Сейчас спрошу...

После моих многочисленных парламентерских хождений туда-сюда Ваня наконец милостиво изрекает:

– Ну ладно уж, скажи Коле, что я его прощаю!

Я бегу к Коле. Он ждет меня в напряженной позе, упершись рукой в подушку:

– Ну что?

– Коля, Ваня тебя прощает!

Коля откидывается на подушку и радостно смеется.

Все неправильно...

Почти целую неделю я не видела внуков и, несмотря на выдавшийся тяжелый день, с радостью откликнулась на просьбу дочери забрать детей из изостудии и провести с ними вечер до ее прихода. После бурных приветствий – столько времени не виделись – я расспрашиваю Колю про школу, Ваню про садик, одновременно помогая им освободиться от фартуков, с которых осыпается глина, и одеться. Несколько раз при этом я натыкаюсь на какую-то повышенную Колину ершистость, и на улицу мы выходим уже слегка недовольные друг другом. Коля какой-то новой, независимой походкой шагает впереди, размахивая руками, а Ваня и я, с двумя довольно-таки объемистыми сумками, едва поспеваем сзади.

– Коля, – говорю я недовольным голосом, – ты разве не видишь, что у меня в руках сумки?

Ноль внимания.

– Коля, сейчас же возьми у меня одну сумку! – сержусь я.

И вдруг слышу в ответ такое, что не сразу укладывается у меня в голове:

– Я не буду тебе помогать! Ты тоже, когда была маленькая, не хотела помогать маме, а только книжки читала!

Пока я хватаю ртом воздух, как рыба, выброшенная на сушу (вот и рассказывай им после этого, что со мной бывало!), Ваня благоразумно пытается как-то сгладить накаляющуюся обстановку:

– Давай, бабушка, я тебе помогу!

Он суется, путается у меня под ногами и в конце концов повисает на сумке дополнительным грузом, отчего мне приходится идти каким-то неестественным образом: боком вперед, пробуксовывая в вязком мокром снегу.

У меня еще хватает сил на добрые слова для Вани:

– Спасибо, Ваня, хоть один помощник у меня есть!

Но дальше я срываюсь на крик:

– А ты, Коля, теперь будешь иметь дело с папой! Расскажешь ему все, как было! Посмотрим, как ты тогда запоешь!

– Ну и пусть! И расскажу!

Коля налегке уходит далеко вперед. Мы с Ваней уныло плетемся сзади с нашей поклажей. Я начинаю приходить в чувство. Мне становится не по себе от своих необдуманных, сгоряча сказанных слов, каких-то глупых угроз... Собственно, папу я помянула от бессилия, твердо зная, что его в это время дома не бывает. Удивляюсь неожиданной для меня перемене в Коле: на нем какая-то новая курточка, я его в такой еще не видела, и сам он в ней высокий, стройный, почти подросток, а главное – какой-то незнакомый, чужой... Видимо, с ним надо уже как-то по-другому выстраивать отношения, а я все как с маленьким...

К моему ужасу, папа оказывается дома.

Коля смотрит мне прямо в глаза и бесстрашно говорит:

– Ну что, рассказывать?

– Рассказывай, рассказывай... – бормочу я невнятно.

Что мне еще остается делать?

На шум выходит папа:

– Что, Коля, двойку, наверное, получил?

– И двойку тоже, – ябедничаю я.

На наше счастье у папы прекрасное настроение: он только похохатывает, глядя на наши кислые физиономии. Внезапно звонит телефон, и папа, совершенно про нас забыв, устремляется к трубке решать какие-то свои важные дела.

Мы молча раздеваемся. Я отмечаю, что Коля без всяких напоминаний моет руки и садится за стол делать уроки, украдкой поглядывая на меня. Смотрю на его сгорбленную фигурку – опять сутулится! – на то, как он достает тетрадки из рюкзака, и думаю: «Господи, как я сегодня устала!» И застываю как вкопанная от одной простой мысли: да ведь и Коля сегодня, наверное, очень устал! У него с утра было пять уроков, потом кружок механической игрушки, еще полтора часа в изостудии. Как же я об этом сразу не подумала! Вот почему он сегодня такой колючий! Да еще эта глупая двойка из-за его вечной невнимательности: забыл записать домашнее задание...

Я подхожу к Колиному столу, вижу знакомый воинственный хохолок у него на макушке, подсаживаюсь на соседний стул:

– Коля, мне кажется, я все поняла: просто ты сегодня очень устал!

Коля поворачивает ко мне благодарное лицо:

– Да, бабушка, я сегодня так устал!

– Конечно, устал! – подхватываю я. – У тебя сегодня был трудный день: пять уроков, кружок, изостудия. Как же это я сразу не поняла? Ну что, мир?

– Мир!

И мы радостно принимаемся каждый за свое дело.

Вечером, когда подходит время просить прощения, Коля, покрутившись вокруг немножко, бочком-бочком подходит ко мне, крепко обнимает двумя руками и, уткнувшись лбом куда-то в мой живот, тихонько говорит особенным голосом:

– Бабушка, прости меня, пожалуйста!

Я все понимаю и шепчу ему на ухо:

– И ты меня прости. Я сегодня все сделала неправильно...

Игра

– Ваня, надень тапочки!

– Коля, почему ты не переоделся и до сих пор ходишь в школьной форме?

– Ваня, вытащи палец из носа и надень тапочки, сколько раз тебе говорить об этом?

– Как, вы еще не вымыли руки после улицы?!!

Однако, надо честно признать, мои возмущенные восклицания не достигают цели. Меня просто не слышат! Глухая стена! Но ведь надо же с этим что-то делать!

– Ваня, я считаю до десяти! Если на счет «десять» ты еще будешь без тапочек, ставлю тебе штрафное очко! Раз! Два!..

Ваня срывается с места и исчезает в соседней комнате. Я не успеваю досчитать до пяти, как он уже стоит передо мной навывтяжку: руки по швам, рот до ушей, ноги в тапочках!

– Коля, даю тебе три минуты на переодевание. Цена каждой минуты – штрафное очко! Время пошло!

Коля в бешеном темпе начинает переодеваться, мы с Ваней заинтересованно посматриваем на часы. Через минуту Коля, радостно хохоча, предстает перед нами полностью переодетым! Мы с Ваней тоже весело смеемся: футболка на Коле надета задом наперед, на ногах красуются носки разного цвета, а вся одежда, которую он с себя снял, лежит где попало: на кровати, на стуле и даже на полу... Даю ему дополнительное время для уборки.

– Бабушка, а что еще надо сделать? – Оба стоят передо мной в нетерпеливом ожидании. Для них, выходит, это интересная игра! Ну что ж, игра так игра!

Мы вместе продумываем правила игры. Штрафные очки будут назначаться за неубранную вовремя постель, за разбросанные игрушки, книжки и вещи. Вообще за всякий беспорядок. Решаем также бороться с ковырянием в носу, с грязными руками, с кисельными и молочными усами, шмыганьем носом, чавканьем и с прочими вредными привычками. Кто первый наберет 20 штрафных очков – проигрывает, и его ждет страшное наказание!

– А какое?!

– Ну, например, проигравший лишается на всю неделю сладкого или мультфильмов или пропускает целый день купания в озере. Можно даже выбрать любое из этих наказаний, – великодушно разрешаю я.

– Тогда уж лучше ремень или крапива! Разок помучился – и смотри себе целую неделю мультфильмы или купайся в озере! – И это говорит Коля, панически боящийся крапивы, так как однажды летом он в одних трусиках случайно упал в ее жгучие заросли! (Позже бабушка, ко всеобщему одобрению, придумает отрабатывать штрафные очки спортивным отжиманием от пола.)

– Итак, для начала проверим: на месте ли стоит ваша обувь в прихожей!

Коля с Ваней со всех ног бросаются впереди меня в прихожую, и когда я туда вхожу, обувь стоит в образцовом порядке! Все довольны!

В первые же дни игры я сталкиваюсь с некоторыми подводными камнями и непредвиденными ситуациями. Мне становится ясно, что с этим маленьким народцем надо всегда держать ухо востро, чтобы не сбиться с правильного курса.

– Бабушка, а я сегодня помог маме вынуть чистую посуду из посудомоечной машины, – говорит Ваня, – с меня надо снять штрафное очко!

– Ну нет, Ваня, добрые дела мы с вами считать не будем. Ты сделал доброе дело для мамы и для Бога, а если я его посчитаю, то оно пропадет. Для мамы не пропадет, а для Бога пропадет. Когда придешь к Нему на Суд, Он скажет: «Ты уже получил награду свою!»

Забегая вперед, скажу, что повторять детям эту простую истину мне не пришлось ни разу.

Садимся обедать. Колино место пусто.

– Коля, иди есть!

Молчание.

– Коля, семеро одного не ждут!

– Ну щас! – Этот недовольный возглас означает, что Коле не оторваться от книжки.

– Так, считаю до пяти и назначаю штрафное очко!

Из соседней комнаты ворчливо интересуются:

– А что потом будет?

– А потом я снова считаю до пяти и снова назначаю очко. Какой там у нас счет? Пятнадцать – семнадцать? О, в таком случае мне не

придется долго считать! – с некоторой долей ехидства замечаю я и начинаю счет: – Раз! Два!

На счет «пять» Коля вихрем врывается в кухню и плюхается на стул!

Собираемся на прогулку. Я и Ваня уже полностью одеты. Коли не видно и не слышно. Я заглядываю в комнату. Так и есть: Коля завис над книжкой, «зацепившись» за нее глазами.

– Коля, мы с Ваней стоим в куртках, вспотели уже, а ты тут читаешь!

– Ну щас!

– Ничего не «щас!». Считаю до десяти. Раз!

Коля заметался по прихожей, одновременно натягивая куртку, наматывая шарф и вставляя ноги в кроссовки.

– Два! Три!.. Восемь! Девять!

Коля намертво запутывается в шнурках, на лице у него появляется недовольное выражение, грозящее «бунтом на корабле». Надо срочно спасать положение, в конце концов это все-таки игра:

– Девять с четвертью! Девять с половиной! Девять пятьдесят один! Девять пятьдесят два! Девять пятьдесят три!

Коля хохочет, не торопясь, качественно завязывает шнурки, и мы дружно выкатываемся за дверь.

Едем в метро, Ваня хитро взглядывает на меня и просит:

– Бабушка, проверь у нас носовые платки!

Я понимаю, что платок у него конечно же есть, но подыгрываю:

– Объявляется проверка носовых платков!

Ваня, как фокусник, торжествующе взмахивает выхваченным из кармана платком. Коля с хмурым лицом последовательно выворачивает все свои многочисленные карманы... Я, Ваня и рядом сидящие пассажиры с интересом следим за его действиями. Тщетно, платка нет... Я осознаю свою промашку: по отношению к Коле ситуация несправедливая, ведь Ваня сам напросился на проверку, зная, что платок у него есть... Пока я раздумываю, как быть, на Ванином лице появляется озабоченное выражение, он засовывает руку куда-то глубоко во внутренний карман куртки, долго шарит там в неудобной позе и вдруг с радостным воплем вытаскивает скомканный, выдавший виды и очень грязный носовой платок, из которого даже что-то сыпется!

– Это за Колю!

Пассажиры облегченно вздыхают и улыбаются. Коля с Ваней вопросительно смотрят на меня. Я снимаю с обоих, ко всеобщему удовольствию, по одному штрафному очку.

Надо отметить, что результаты игры превосходят все мои ожидания: палец отдергивается от носа, едва к нему приблизившись; носовые платки расставлены по всем карманам; по телефону, ни свет ни заря, мне докладывают, что кровати заправлены, на рабочих столах прибрано и меня ждут не дождутся с проверкой. А главное – нервы у всех в порядке и никакого занудства!

Светлячок

Поездка в Крым вместе с папой и мамой наполнила мальчиков разнообразными впечатлениями. Они наперебой рассказывали мне и про то, как крабов ловили, и про шторм на море, и как Ваня научился плавать... А однажды, когда они с папой и мамой были на экскурсии, случилась целая история. Дело было так. Сначала все долго шли по крутому подъему в Генуэзскую крепость, потом осматривали ее, время от времени отдыхая на скамеечках, видели пасущихся посреди крепости лошадей, нашли ежика, а когда стемнело, присели на прощание на большой пенек под раскидистым деревом. Спуск начали уже в полной темноте. И тут Коле очень повезло: он нашел настоящего светлячка! Это был маленький живой фонарик, от которого исходил необыкновенный зеленоватый свет! Все по очереди стали рассматривать светлячка, а Коля попросил у мамы:

– Мама, дай мне спичечный коробок, я положу туда своего светлячка.

Мама повернулась к папе:

– Папа, достань, пожалуйста, из сумки спичечный коробок для Колиного светлячка.

Папа испуганно посмотрел на свое плечо, где должна была висеть сумка, и тут все заметили, что никакой сумки у него нет... Мама, Коля и Ваня застыли в полном молчании, тараща глаза друг на друга, а папа сделал несколько прыжков по направлению к Генуэзской крепости и растворился в южном ночном воздухе... Мама, Коля и Ваня, дружно сорвавшись с места, помчались за ним. В сумке, которая осталась где-то в крепости, было все: документы, деньги, обратные билеты, вещи...

Я спрашиваю сочувственно:

– Вы очень испугались?

– Очень! Ваня даже плакал, – отвечает Коля.

– А помолиться-то вы догадались?

– Догадались! Мы всю дорогу, пока бежали, молились вместе с мамой, чтобы ворота в крепость еще не успели запереть и чтобы папа нашел сумку, – говорит Коля. – А я, бабушка, так молился, что точно знал, что папа найдет сумку!

И действительно, папа нашел сумку на том самом большом пне под раскидистым деревом...

Великое русское слово...

Мы с Ваней идем из детского садика домой. Слегка пританцовывая и вихляя некоторыми частями тела, Ваня начинает рассказывать:

– Приколись, бабушка...

– Ваня! – я возмущенно прерываю внука. – Оставь эти свои «приколись», «короче», еще «вау!» какое-то...

– Бабушка! Ты ничего не понимаешь! – Ваня энергично рубит ладошкой воздух. – Сейчас все так говорят! Специально! Чтоб интересно было!

– Что значит: «все»? Я так не говорю, мама так не говорит, Коля тоже говорит нормальным человеческим языком!

К Коле, действительно, ничего такого не прилипло ни в садике, ни теперь в школе. В борьбе с новомодными словечками «продвинутого» Вани он даже оказывается моим союзником, так как всякий раз от души хохочет над Ваниными словесными изысками, и Ваню это останавливает: кому хочется быть посмешищем?

Мы с Ваней бредем домой, очень недовольные друг другом. Наш ход задерживают несколько подростков, идущих впереди. Они громко разговаривают между собой:

– Ты уроки, типа, сделал?

– Да, блин, задачка с ответом не сошлась!

Мы останавливаемся на красный свет. На противоположной стороне улицы висит огромный рекламный щит, на котором отлично видна надпись:

«ОТОРВИСЬ С ДРУЗЬЯМИ!»

С жестокой неуместностью, просто как в насмешку над моими грустными мыслями, из памяти всплывают ахматовские строки:

И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово...

Дома Ванин папа громко разговаривает по телефону:

– Короче, ищи замену этому халевщику! Он меня уже достал! Ну все, давай!

Во времена моей молодости этих словесных убожеств не было... Впрочем, если честно, то это не совсем так... Этих – не было. Но ведь были другие! Вспоминаю, что мое приобщение к великому студенческому братству началось со студенческого сленга. Сразу после зачисления на первый курс института выяснилось, что каждый мало-мальски уважающий себя студент употребляет вместо обыкновенных скучных слов – «общегитие», «столовая», «лекция» – такие упоительно-небрежные: «общага», «столовка», «пара» и т. д.

Вскоре я догадываюсь включить Ванины словечки в нашу игру со штрафными очками, и Ваня сразу же прикусывает язычок. Но покоя мне это не приносит, в ушах звучат жаркие Ванины слова: «Все так говорят! Чтоб интересно было!»

Мудрый папа

Из детской комнаты внезапно раздаются ужасающие крики. Я, бросив все дела на кухне, вбегаю в детскую. Там по полу катается Коля и вопит что есть мочи. Ваня стоит рядом с перепуганным лицом и сразу признается:

– Это я... кошку... бросил... Коле на спину...

Убедившись, что глаза и лицо у Коли целы, я пытаюсь схватить его за руку, чтобы поднять в вертикальное положение, и возмущенно кричу, иначе бы меня просто не было слышно:

– Коля, ну что ты так орешь? Как тебе не стыдно! Ты же ведь, как-никак, мужчина! Вставай! Подумаешь, кошка царапнула!

Коля продолжает кататься по полу и выть страшным голосом.

В этот момент в дверном проеме появляется высокая фигура Коли-Ваниного папы. Зная крутой папин характер, я, в ожидании грозы, стараюсь смягчить ситуацию:

– Вот... кошка... царапнула... Колю за спину...

К моему изумлению, папа делает шаг вперед, обнимает за плечи поднятого мною с пола орущего Колю, гладит его по головке, как маленького, и начинает ласково приговаривать:

– Колюшка! Больно тебе? Ну что ж ты так кричишь? Не плачь! Ох уж эта кошка!

И Коля почти сразу перестает реветь! Он только тихонько подвывает и время от времени всхлипывает, уткнувшись в папино плечо. Вскоре папа передает мне с рук на руки вполне успокоившегося сына.

Я уже держу наготове пузырек перекиси водорода, с которым мне обычно приходится бегать за своим старшим внуком по всем комнатам, чтобы смазать даже самую пустяковую царапину. У Коли на спине оказываются действительно очень глубокие и длинные борозды от кошачьих когтей. Ваня, увидев, что я подношу ватку, смоченную перекисью водорода, к Колиным ранам, страдальчески сморщивается и робко спрашивает:

– Больно тебе?

Шмыгнув носом, Коля мужественно отвечает:

– Совсем не больно.

Ничего не сказал...

У Полины, с которой Ваня ходит в подготовительную группу детского сада, умерла мама... Поля пока еще ничего не знает про маму, ей боятся говорить... Моя дочь узнала о несчастье от Полиной бабушки, которую встретила во дворе. Когда они разговаривали, рядом с мамой крутился Ваня и все слышал. О нем как-то не подумали...

Узнав об этом, я всполошилась:

– Да ведь Ваня теперь все расскажет Поле! Как же вы не сообразили, что об этом нельзя говорить при детях?

Дочь принялась меня успокаивать:

– Не волнуйся, я Ване все объяснила, сказала, чтобы он ни в коем случае не говорил Полине, что у нее умерла мама. И вообще никому. Он все понял.

Через три дня, когда я забираю Ваню из садика, он первым делом сообщает:

– А сегодня в садик пришла Полина, у которой умерла мама.

– Ваня, я надеюсь, ты не сказал Полине про маму?

– Нет! Я ей ничего не сказал. Я только спросил...

– А что ты спросил? – настораживаюсь я.

– Я спросил: «У тебя мама случайно не умерла?»

От неожиданности я резко останавливаюсь, Ваня даже натывается на меня. После секундного замешательства решаю, что благоразумнее всего в этом случае – перевести разговор на другую тему. Через несколько дней Ваня сам возобновляет наш разговор:

– А сегодня Поля подошла ко мне и сказала, что я правильно спросил у нее про маму. Вчера ей объяснили, что ее мама на самом деле умерла. И Поля плакала... А я ее утешал...

А вы будете с нами играть?

В деревне у Коли с Ваней много друзей. Это и деревенские мальчишки, и дачники: из Питера, из граничащей с нашей волостью Белоруссии, из других городов и весей. Чаще всего они собираются рядом с нашим домом. Всех привлекают высокие качели, которые смастерил Коли-Ванин дедушка между двумя рядом стоящими деревьями. К тому же вблизи располагается большая лужайка, где можно всласть порезвиться, и проходит асфальтированная дорожка для езды на велосипеде.

Как-то раз, привлеченная особенно громкими воплями с лужайки, я подошла поближе и увидела с десяток мальчишек, гоняющихся друг за другом со зверскими перекошенными лицами. Поймав за рукав толстого неповоротливого Андрюшку, спрашиваю:

- Что это вы тут делаете?
- Мы играем!
- Во что?
- В бандитов!

Игра, о которой я расспросила ее участников, оказалась без особых правил, просто все бегали друг за другом, кто кого «застрелит».

– А какие игры вы еще знаете? – спрашиваю у собравшихся вокруг меня новоиспеченных «бандитов».

В ответ – молчание, пожимание плечами.

- В «штандер» умеете?
- Не-ет...
- А в «вышибалочку»?
- Не-ет...
- А мяч у вас есть?

Кто-то побежал за мячом, и я, махнув рукой на замоченное в бане белье и на недополотую грядку с огурцами, возглавила шествие на школьную спортивную площадку, располагавшуюся через дорогу. По пути к нам присоединились еще несколько праздношатающихся ребят разного возраста.

Начали игру с простой «вышибалочки». Я расчертила куском штукатурки асфальт, объяснила правила игры, потом мы выбрали двух «вышибал» и все сорвались с места!

Толстый Андрюха из Белоруссии оказался вовсе не таким вредным, каким я его считала. Он так радостно и открыто хохотал, если ему удавалось поймать мяч и «засалить» игрока, что мы все умирали от смеха вместе с ним. С питерского Андрея в пылу игры слетела вся его чопорность, а когда в него несколько раз попали мячом и его футболка перестала быть белоснежной, он стал казаться совсем своим. Деревенский Сашка, который на прошлой неделе обманом завладел новеньким Колиным велосипедом и катался на нем целый день, оставив у нашего дома свою развалюху, неожиданно вызвался показать мне место в лесу, где можно набрать сколько угодно, хоть десять корзин, лисичек. А ведь для Сашиной семьи это было большим подспорьем, так как лисички он сдавал в магазин по сорок рублей за килограмм. Маленький Костик, который ни за что не согласился включиться в игру, как мы его ни упрашивали, тем не менее без устали бегал в любую даль за улетевшим с поля мячом, что было очень кстати, учитывая мою разнывшуюся от беготни мозоль...

Потом мы играли еще в «штандер», в «третий лишний» и во все игры моего детства, которые я только смогла вспомнить и для которых не требовался дополнительный спортивный инвентарь. Было очень жаль, что нет возможности сыграть в городки или лапту. Зато мы закончили игры велосипедными гонками на время.

На следующий день, когда я домывала пол в коридоре, послышался робкий стук в дверь. Выйдя на крылечко, я увидела стайку вчерашних мальчишек. Старший из них вышел вперед и спросил:

– А вы сегодня будете с нами играть?

«Плохое чудо»

Оповещение о том, что мы идем в храм причащаться, всегда воспринимается Колей и Ваней без всяких возражений, как нечто само собой разумеющееся. Отдельный разговор – как это происходит, когда дело доходит до дела...

Понимая, что два часа службы даже для взрослого человека нелегкий труд, я стараюсь облегчить детям их задачу. Накануне мы беседуем об исповеди, о Причастии, о предстоящем празднике, припоминаем самые важные места службы, чтобы пребывание в храме было как можно более осмысленным. Иногда читаем небольшие отрывки из Шмелева, Никифорова-Волгина или других авторов. Во время литургии я шепотом напоминаю о том, что происходит в данный момент богослужения: зачем вышел диакон с кадилом, почему вдруг так торжественно и медленно запел хор, почему батюшка встал ко всем спиной и машет чем-то в воздухе... Наше стояние значительно облегчает общенародное пение «Символа веры» и «Отче наш...». Коля и Ваня с воодушевлением подхватывают знакомые слова, мы радостно переглядываемся между собой. Молитва Господня ожидается мальчиками с особым нетерпением, так как они оба хорошо знают, что почти сразу следует Причастие, а там уж совсем близко и конец службы...

Однако мои объяснения, подбадривания, подхваливания и всяческие послабления: «Ну хорошо, посиди на скамеечке», «Поставь свечу к иконе Николая Чудотворца», «Опусти эту монету в кружку» и т. д. имеют непродолжительную силу действия. Примерно на середине службы меня начинают осаждать вопросами. «Можно пойти погулять?» – спрашивает Ваня, переминаясь с ноги на ногу. «Когда будет „Отче наш“?» – это Коля разводит дипломатию. «А скоро конец?» – бухает Ваня уже без всякой дипломатии... Умилительная стайка детей разного возраста возле солеи перед алтарем – предмет моего повышенного беспокойства, особенно после происшествия с Ваней, который как-то раз именно там додумался показать приятелю свой новый фонарик в действии и был за это «арестован» вместе с фонариком оказавшимся поблизости батюшкой и поставлен в воспитательных целях рядом с аналоем, где проходила исповедь...

А с Колей случилась и вовсе необычная история... В тот день на литургии на него накатило какое-то смешливое настроение, которое не пропало даже после того, как я несколько раз делала ему страшные глаза с последующей выволочкой грозным шепотом. Я с беспокойством посматриваю на легкомысленное выражение Колиного лица с дурашливостью в глазах. Наконец – Причастие. Ваня подходит первым, и я вижу, что его причащают без частицы, только Кровью Христовой. И хотя Ване нет еще семи лет, я огорчаюсь, потому что чаще всего его причащают уже как взрослого, полным Причастием. Следующим подходит Коля. Я иду вслед за ним, и мне видно, что его тоже причащают как младенца, без частицы! Первая моя мысль – сказать батюшке, что он ошибся, что Коле уже девять лет, да и выглядит он на все двенадцать! Но может быть, я просто не разглядела, что было в лжице? После Причастия и заправки я сразу подхожу к Коле, игривого настроения у него как не бывало, он растерянно подтверждает, что частицы в лжице не было! И тут я отчетливо осознаю, что это не случайность!

– Коля, ты понимаешь, что это не ошибка, случайностей в таком важном деле не бывает! Ты вел себя в храме как маленький, вот Бог тебя и причастил как младенца!

По вытянутому Колиному лицу, на котором явственно отражаются сложные переживания, угадываю, что он думает так же, как и я. Притихший Ваня стоит рядом. Мы молча выходим из храма. Наконец Ваня подытоживает:

– С Колей случилось плохое чудо.

Я возражаю:

– Почему плохое? Очень даже хорошее, правильное чудо. Теперь кое-кому, – я выразительно смотрю на своего старшего внука, – будет страшновато вести себя в храме так, как будто ему три годика.

– Да уж... – поеживается Коля.

Два подвига

Папа купил новую машину, и в середине лета вся семья приехала на ней к бабушке в деревню. Машина сияла и сверкала на солнышке, радуя папин глаз, и на ее блестящей поверхности не было ни единой царапинки.

Коля ехал на велосипеде домой с большой скоростью, чтобы срочно взять мяч для игры в футбол: на школьной площадке его ждали ребята. Когда он поравнялся с папиной машиной, переднее колесо велосипеда соскользнуло в небольшую канавку, заросшую травой. Коля перелетел через велосипед и, ударившись пяткой о что-то твердое, лягушкой шлепнулся на землю. Не чувствуя боли, он тут же вскочил на ноги и похолодел: по правому зеркалу машины во все стороны разбегались паутинки-трещинки... Несколько секунд он оторопело смотрел на свое кривое изображение в треснувшем зеркале и, не разбирая дороги, побежал к дому.

Папа полулежал в мягком уютном кресле с газетой в руках.

– Папа, я упал с велосипеда и разбил зеркало в твоей машине, – скороговоркой выпалил Коля, не давая себе времени на малодушные раздумья.

Папа мгновенно вскочил с кресла и, отбросив газету, молча побежал к машине. Коля – за ним. С огорода им навстречу шла бабушка с морковкой в руках. Увидев мрачное папино лицо и вытаращенные Колины глаза, она изменила свой маршрут и побежала вслед за ними.

Все с тем же мрачным выражением лица папа осмотрел треснувшее зеркало и спросил громким голосом, он просто не умел говорить тихо:

– Как это произошло?

– Я... ехал на велосипеде... колесо в канаву... пяткой в зеркало... и я упал, – сбивчиво начал Коля.

– Где канава? – грозно спросил папа.

– В-вот она, – Коля ткнул пальцем в заросшую травой канаву.

Папа осмотрел канаву, бросил взгляд на перевернутый вверх колесами велосипед и молча пошел в дом. Коля поплелся сзади. За ним – бабушка с морковкой.

Спустя полчаса, когда вся семья мирно сидела за послеобеденным чаем, бабушка торжественно сказала:

– Сегодня прямо на моих глазах было совершено два подвига.

Все заинтересованно подняли на нее глаза. Бабушка продолжала:

– Первый подвиг совершил Коля. Он честно признался, что разбил зеркало у папиной новой машины. А второй подвиг совершил Колин папа. Он мужественно взял себя в руки и не стал наказывать сына за разбитое зеркало.

Папа с Колей опустили глаза и скупно улыбнулись.

Папа нас кормит

– А вчера вечером папа кричал на нас с Колей, – горько жалуется Ваня.

Мне очень больно это слышать, но я не без основания предполагаю:

– Да вы, наверное, баловались.

– Нет! Мы с Колей ничего плохого не делали, тихонько сидели вдвоем на кровати, а папа на нас очень громко кричал и топал ногами!

Зная, что папа не всегда может сдержать свое плохое настроение, я все же встаю на его защиту:

– Ты знаешь, Ваня, хотя у меня нервы гораздо крепче, чем у папы, иногда мне очень хочется потопать на вас с Колей ногами и как следует покричать.

– А папа еще и на маму вчера кричал!

Да, это удар... Ну что тут скажешь? Мои мысли скачут. Ваня ждет ответа. И тут в памяти всплывает похожий случай, о котором рассказывала моя хорошая знакомая, мы с ней часто делимся своими педагогическими находками. Оказывается, чужой опыт очень даже может пригодиться. Я говорю:

– Зато, Ваня, папа потом страшно жалеет об этом, раскаивается и просит у мамы прощения.

Это действительно так и есть: папа умеет сокрушаться и каяться в грехах, его потом все охотно прощают. Дальше я добавляю уже от себя:

– А когда папа бывает в плохом настроении, за него надо просто помолиться.

– Мы с Колей молились. И я заметил, что настроение у папы выросло.

– Вы с Колей все сделали правильно. Папа просто устал на работе, забегался, ты же знаешь, сколько у него забот!

Ваня смягчается и рассудительно говорит:

– Да, ведь папа нас кормит!

Плохие слова

Ваня одевается в прихожей детского садика. В это время из группы выходит девочка Даша и строго говорит мне:

– А ваш Ваня ругается материнскими словами.

Я растерянно спрашиваю:

– Это какими же?

– Ну, например, он говорит слово «блин»!

Ваня по-быстрому вставляет ноги в сапоги, кое-как напяливает на голову шапку и бочком-бочком двигается к выходу...

На следующий день, проводив Ваню в школу на занятия группы «Малышок», я сталкиваюсь в дверях с Дашиной мамой. Еще строже, чем Даша, она говорит мне:

– А вы знаете, что ваш Ваня говорит плохие слова?

– Да-да, знаю... Мне Даша сказала, что Ваня говорит «материнское» слово «блин». – В этом месте я пытаюсь улыбнуться.

– Да нет, он говорит не только это слово, но и то, которое оно заменяет. И потом, у него ведь есть старший брат?

– Есть...

– Так вот, он тоже ругается матом.

Улыбка примерзает на моем лице. Дашина мама уничтожающе смотрит на меня и, не прощаясь, уходит. С минуту я стою как громом пораженная. Потом срываюсь с места: мне надо срочно забрать Колю из школы. У меня внутри все дрожит и клокочет. На бегу, по дороге, я привожу свои мысли и чувства в относительный порядок. Главное – не выходить из себя. Это хорошо, что у меня есть возможность поговорить с каждым из сквернословов по отдельности, чтобы не позорить старшего при младшем.

Коля сразу признается в содеянном и спокойно сообщает:

– Да у нас в классе все мальчишки ругаются матерными словами.

– Как все?! И Никитка?

Никитка – Колин друг, воспитанный мальчик из хорошей интеллигентной семьи.

– И Никитка.

– И Дима?!

Диму родители водят в воскресную школу.

– И Дима.

– А ваша учительница знает об этом?

– Знает.

Позже учительница мне скажет: «А что я могу с этим поделать?!»

Слегка переварив эти удивительные новости – ничего себе, лучший в школе четвертый класс! – я начинаю обстоятельный разговор, продуманный мною по дороге в школу: даже если все говорят, ты не должен... интеллигентный мальчик в четвертом поколении... разве от папы, мамы, бабушки, дедушки, дяди Коли, тети Вали ты слышал... Рассказываю ему про постыдную смерть грешника, у которого перед кончиной изо рта вывалился фиолетовый язык до пояса и его никак не могли затолкать обратно, потому что этим самым языком произносились плохие слова...

Но наибольшее впечатление на Колю производит совсем другое. Я спрашиваю:

– А ты знаешь, от какого слова произошло слово «мат»?

– Нет, не знаю.

– От слова «мать». Потому что ругательства направлены чаще всего против нее. Получается, что ты оскорбляешь свою маму. И еще – Матерь Божию.

Коля потрясенно говорит:

– Я не знал...

Оставляю его дома учить уроки, а сама бегу в «Малышок» за Ваней и на обратном пути начинаю с ним разговор. Но Ваня крепкий орешек.

– А кто тебе сказал, что я ругаюсь?.. – запальчиво говорит он. – Нет, ты скажи, скажи!

Однако и он ошеломлен тем, что обидел свою маму и Матерь Божию, и так же, как Коля, говорит:

– Я не знал... – И горячо продолжает: – Я больше никогда так не буду говорить. Вообще-то я уже привык... Но я буду терпеть.

Через несколько дней он сам вспоминает:

– А я еще ни разу не сказал ни одного плохого слова. Это очень трудно, но я терплю.

«Рассвет-чародей»

Коли-Ванин папа любит современную музыку. У себя в машине он всегда включает динамики на полную мощность. Летом мы с ним нередко ездим вместе навещать детей в далекую псковскую деревню, и я к этому уже привыкла. Мне даже сладок этот особого рода вынужденный аскетизм, проявляющийся в том, что я стараюсь не замечать мощно ухающих, лающих, квакающих звуков. Они почти не мешают мне молиться или думать о своем. Совсем другое дело, когда в машине находятся дети. Меня начинают обуревать тяжелые мысли о том, что если они с детства в таком количестве будут слушать эти бессловесные или с непонятными иноземными словами нечеловеческие шумы, то у них разовьется дурной вкус и повысится нервная возбудимость... Коли-Ванина мама проблему понимает и частенько под шумок меняет папины любимые диски на детский репертуар. И папа с тем же удовольствием слушает детский симфонический хор, веселые песенки в исполнении Евгения Леонова из «Робин Гуда», хохочет над репликами Паганеля в «Детях капитана Гранта». Некоторые надежды по воспитанию вкуса у мальчиков я возлагаю на хор детской воскресной школы, в котором поют Коля и Ваня, и на богатую подборку кассет для домашнего магнитофона, сделанную моей дочерью.

В одну из поездок, когда за ревом папиной музыки не было слышно даже гула двигающейся с большой скоростью машины, во время паузы при смене дисков раздался робкий Колин голос:

– Папа, а поставь мою любимую песню.

– Это какую? – Папа удивленно покосился на Колю.

– Я не знаю, как она называется...

У Коли на лице появилось мечтательное выражение, и он тихонько напел тоненьким голоском:

– Играй, рассвет-чародей,
На флейтах ветров,
На струнах дождей...

Через несколько секунд из динамиков полились поэтические строки, положенные на прекрасную музыку:

Где-то мокрым асфальтом
блестят города,
Но по-прежнему трогает нас
Тишина, где кукушка считает года
В самый раз и еще про запас.

Играй, рассвет-чародей,
На флейтах ветров,
На струнах дождей.
Переливами трав,
Перезвонами рек
Околдовано сердце навек.

Эту тайну озер стерегут валуны,
Ходит рыба, скользя в глубине,
И качаются ночью осколки луны
На серебряной зыбкой волне.

Не насмотришься вдоволь,
смотри не смотри,
Как туманы дымятся вдали,
И пылает роса, словно капли зари,
На зеленых ресницах земли.

«Рассвет-чародей», муз. В. Шаинский,

сл. М. Плещинский

«Прощаю и разрешаю...»

Ване исполнилось семь лет. Утром, когда мы встали на молитву, я впервые, с особой интонацией, помянула его не как младенца, а как отрока. Надо было видеть просиявшее Ванино лицо!

Разговоры о том, что Ване скоро предстоит идти на исповедь, велись уже давно, и я почти не удивилась, когда накануне Причастия он сам подошел ко мне и попросил:

– А давай-ка мы с тобой, бабушка, поговорим об исповеди.

Мы с ним зашли в пустую комнату и, не включая свет, в полумраке, сели на диван. Помолчали.

– Я даже рад, что в прошлый раз батюшка меня «арестовал», – задумчиво говорит Ваня. – Ну, помнишь, с фонариком?

– Конечно, помню. А почему рад?

– Зато я уже один раз покался.

И с беспокойством спрашивает:

– А надо говорить, что мы с Колей деремся?

– Надо, Ваня.

– А что я плохие слова говорил?

– Тоже надо.

– Но я ведь их уже больше не говорю! – Ваня делает попытку увильнуть от тяжелого признания перед батюшкой.

– Раз уж говорил, деваться некуда.

Ваня насупливается, не очень довольный моим ответом.

– Понимаешь, Ваня, на Небесах есть такой список, где все-все грехи записаны, даже самые маленькие. Называется он – хартия. Так вот, если человек расскажет батюшке про свой грех, покается в нем, то запись в хартии исчезает, как будто ее и не было. Ангелы при этом радуются, а бесы плачут от злости, потому что они теперь не смогут человека в ад затащить.

После некоторого раздумья Ваня продолжает:

– А я еще в пост мясо ел. И сосиски. Нам в садике давали...

– В садике надо есть все, что дают. Тут уж ничего не поделаешь... Твоего греха здесь нет...

– А еще что надо говорить?

– Хочешь, Ваня, я прочитаю тебе про одного мальчика, как он в первый раз был на исповеди?

– Хочу!

Я читаю ему отрывок из книги Ивана Шмелева «Лето Господне», объясняю, что такое говенье, епитимья. Ваня внимательно слушает про то, как хитрый старик хотел по гороху до неба долезть; хохочет над гусиной лапкой, мочеными яблоками и расколотой лопатой, требует читать ему еще и еще...

На следующий день, когда подходит Ванина очередь исповедоваться, он, храбро шагнув к аналою, довольно долго шепчется с батюшкой... Наконец на упряменький хохолок накинута епитрахиль:

– Прощаю и разрешаю...

Нет друга...

Из школы мы с Колей бежим в садик за Ваней и, уже не торопясь, втроем, направляемся домой. Вдруг, ни с того ни с сего, Ваня начинает безудержно рыдать! Сквозь обильные слезы и сопли с трудом прорываются слова:

– У меня нет друга! У меня друга нет, бабуш-ка-а-а! Все со мной дерутся! И Саша дерется! И Даня дерется! Я остался один против всех!

Я не успеваю сказать Ване ни одного утешительного слова, как с другой стороны раздается горестный Колин вопль:

– И у меня тоже нет друга! Никитка сегодня весь день играл с Борей, и я остался один! А вчера, когда мы шли с ракетомodelьного кружка, он не разговаривал со мной всю дорогу!

Двойное горе, свалившееся мне как снег на голову, основательно меня придавливает. Тем более что в моей памяти всплывает своя печальная история из детства...

– А знаете, когда я была маленькой, ну, примерно как Коля, меня тоже бросила подруга в самый ответственный момент...

Коля поворачивает голову ко мне. Ваня всхлипывает, совершенно безнаказанно вытирает нос рукавом и тоже смотрит на меня.

– Дело было так: мы поехали на картошку... Вы-то не знаете, что это такое, а раньше всех школьников посылали в поля собирать картошку. Нас ставили по два человека на борозду и давали одно ведро на двоих. Мою подругу звали Галей, она с первого класса сидела со мной за одной партой, и я думала, что мы будем собирать картошку в одно ведро. Но Галя ушла на борозду к другой девочке, а я осталась одна. Было так обидно, хоть плачь! Я долго не могла забыть этот случай и считала свою подругу предательницей. А совсем недавно я поняла, что и сама не была хорошим другом. Вспомнила даже, как я ее однажды обидела... Наверное, чтобы иметь хороших друзей, надо сначала самому научиться быть верным другом.

Некоторое время мы идем молча. Потом я вспоминаю:

– Ваня, а ты же ведь дружил с Кирюшкой. Разве он тебе больше не друг?

– Да, – веселеет Ваня, – Кирюшка мой верный друг! Но он уже две недели не ходит в садик, потому что болеет...

– А знаешь, кроме Кирюши у тебя есть еще один очень надежный и верный друг! И у Коли тоже!

Дружное недоуменное восклицание:

– Кто?

– У Вани есть Коля, а у Коли – Ваня! Вы же братья, а братья – самые лучшие и надежные друзья в мире! И потом, надо уметь прощать своих друзей. Друг может оступиться, а может и покаяться.

Я слегка поотстаю: на ноге ноет застарелая мозоль... Повеселевшие братья, дружно взявшись за руки, вырываются вперед.

Дома, едва сбросив с себя одежду, Коля устремляется к телефону. Через несколько минут он подбегает ко мне с сияющими глазами:

– Бабушка, я позвонил Никитке и спросил, почему он со мной не разговаривает. Он сказал, что и сам не понимает, что это на него накатило. И мы помирились!

Ванин метод

После занятий в воскресной школе мы с Колей и Ваней, обгоняя друг друга, бежим на остановку автобуса: нам надо к пяти часам попасть в бассейн, а до этого неплохо бы успеть дома перекусить. Долго топчемся на тротуаре: автобуса нет. Мокрый снег, ветер, очень хочется есть... Ваня заговорщицки шепчет:

– А мы что-то забыли сделать, – он по-актерски выдерживает паузу и наставительно договаривает: – надо прочитать молитву, чтобы автобус побыстрее приехал!

– Молодец, Ванечка, как это я сразу не сообразила, – сокрушаюсь я.

Коля деловито спрашивает:

– Что будем читать?

Ваня без колебаний предлагает:

– «Отче наш»!

Мы образуем кружок, голова к голове, и шепотом, чтобы не смущать прохожих, читаем молитву. На последнем слове мы все трое, как по команде, поворачиваем головы в ту сторону, откуда должен показаться автобус. Для такой уверенности есть веские основания: в это трудно поверить, но наша молитва еще ни разу не была посрамлена. Обычно транспорт подается в ближайшие несколько минут!

Иногда я задумывалась над тем, что скажу детям, если наша просьба не будет услышана – не все коту масленица! – и даже подготовила варианты ответа применительно к различным ситуациям. Например...

Мои мысли прерываются Ваниным победным воплем:

– Автобус!

Однажды случилось так, что мы с Колей долго стояли на остановке вдвоем, Вани – обычно это он вспоминает про молитву – с нами не было.

Время идет, мимо нашего носа проскакивает множество автобусов, но того номера, который нужен нам, нет. Я нервничаю, беспокойно расхаживаю вдоль остановки туда и обратно: мы куда-то опаздываем. Коля ловит меня на вираже и тихонечко говорит:

– Бабушка, а давай применим Ванин метод.

– Какой Ванин метод? – не сразу понимаю я. – Ах, да! «Отче наш»?

– Да! Вот только, может, у нас ничего и не получится без Вани? – с сомнением говорит Коля. – У него очень сильная молитва!

– Как это не получится? Помнишь: «Где двое или трое собраны во Имя Мое, там Я посреди них»?

Мы встаем поближе друг к другу и начинаем шепотом читать молитву, но не успеваем дойти и до середины, как к остановке на большой скорости подкатывает наш автобус, резко тормозит, двери картинно, ну просто как в кино, распахиваются прямо перед нами! Мы с Колей потрясенно переглядываемся.

Когда мы с ним удобно рассаживаемся в полупустом салоне, он говорит:

– Надо обязательно Ване рассказать про этот случай!

Пять двоек...

В начале мая Ваня с папой и мамой на неделю уехали в деревню, чтобы помочь бабушке Оле вскопать огород и посадить картошку. Коля остался дома со мной: шла последняя решающая четверть и ему нельзя было пропускать занятия в школе.

Вечером Коля собрал портфель и пошел спать, а я отправилась на кухню доделывать свои дела. Примерно через полчаса в коридоре хлопнула дверь. «Не надо было пить молоко на ночь», – посокрушалась я. Минут через двадцать в коридоре снова раздалось шлепанье босых ног, за стеклом кухонной двери мелькнуло Колино лицо и быстро исчезло... «Странно, – подумалось мне, – обычно Коля засыпает сразу, как только его голова оказывается на подушке...» Часов в одиннадцать вечера, случайно подняв глаза вверх, я с удивлением увидела приплюснутый к дверному стеклу Колин нос.

– Коля, что случилось, почему ты не спишь? У тебя живот болит?

В дверях появляется Коля. По его лицу с испуганно вытаращенными глазами догадываюсь, что это, наверное, не живот...

– Бабушка, у меня по английскому пять двоек...

– Как пять двоек? – У меня тоже вытаращиваются глаза, слабеют ноги в коленях, и я опускаюсь на стул...

Мелькает спасительная мысль, что все еще не так страшно:

– Где двойки, в тетрадке?

– Нет, в журнале...

– Но откуда пять двоек?! Когда ты умудрился их накопить?!

– С начала четверти... Я не записал домашнее задание...

– Что, пять раз подряд? А мама знает про двойки?

Излишний вопрос: конечно же нет, раз мне об этом не известно... Но как же учительница не поставила двойки в дневник, ничего не сказала маме, не забила тревогу? Это же ЧП! Конечно, парень несобранный, конечно, невнимательный, но чтобы пять двоек подряд? Как это могло случиться?! Бедный мальчишка, уже больше месяца несет на себе такой непосильный груз!

– Что же ты ничего никому не сказал?

– Я боялся, что папа узнает...

– Так. Не волнуйся. Мы сейчас что-нибудь с тобой придумаем.

– Я уже придумал, бабушка! Я потихоньку от всех буду готовить темы и сдавать учительнице. Одну тему я уже сдал!

– Сам приготовил? – удивляюсь я.

– Сам.

– Молодчина! А я завтра договорюсь с твоим репетитором, чтобы она помогла тебе приготовить остальные темы, и схожу к учительнице английского языка, выясню, когда ты сможешь их сдать. Постараемся сделать все до маминого приезда?

– Постараемся!

Слегка придушив меня в цепких объятиях, Коля вприпрыжку мчится в свою комнату и засыпает почти мгновенно.

Наутро я посвящаю репетитора по английскому языку в нашу страшную тайну, она удивляется происшедшему, находит дополнительное время для занятий с Колей. Бегу в школу. Учительница английского языка безмятежно выслушивает мою сбивчивую речь со множеством вопросительных предложений и тоже слегка удивляется:

– У Коли? Пять двоек?

Она открывает журнал и говорит:

– Да, действительно, с начала четверти у него было пять двоек, но одну он уже исправил.

После уроков мы идем к репетитору, за полтора часа они с Колей подготавливают оставшиеся четыре темы. Повеселевший Коля бережно укладывает выполненное задание в папку и облегченно вздыхает:

– За один раз все сделали!

Назавтра он благополучно сдает все темы учительнице английского языка...

Когда приезжает мама, Коля сразу рассказывает ей о своих злоключениях.

Суровое наказание

Дело было в деревне, куда мы приехали в конце мая почти на все лето. Выведенная из терпения тем, что вырвавшийся на волю вольную из городского утеснения Ваня уже который день приходит с улицы в умопомрачительно грязных джинсах, я назначаю ему суровое наказание: он должен сам постирать свои запачканные штаны.

Мы идем в баню, я даю Ване в руки кусок мыла, наливаю в таз теплой воды, показываю, как надо намыливать и тереть особо запачканные места. Стоя над тазом в одних трусиках – одежду с Вани мы предусмотрительно сняли, чтобы не намочить, – он старательно повторяет за мной все движения. К моему удивлению, у Вани все хорошо получается: он быстро-быстро трет штанину кулачками, усердно жамкает ее в воде, ловко выкручивает, по-мужски – в обратную сторону. Я его хвалю. Потом он с моей помощью полощет, выжимает и вешает на бельевую веревку чистые штаны.

Назавтра Ваня снова приходит с улицы по уши в грязи. Я твердо говорю:

– Ну что ж, Ваня, сегодня у тебя опять будет стирка.

Ваня поворачивается к Коле и радостно кричит:

– Ура! Я сегодня опять буду стирать!

Подбегает Коля:

– Вы стирать идете? И я с вами! У меня тоже штаны грязные!

Молитва

– Пора готовиться ко сну. Зубы почистили? Встаем на молитву, – призываю я мальчиков, направляясь к иконе.

– Бабушка, а ты зажжешь лампадку? – спрашивает Ваня.

Мы дружно хлопчем у лампадки, имеющей вид храма с прорезанными насквозь окошечками, потом выключаем люстру и некоторое время с восхищением наблюдаем за таинственными кружевными бликами света, колеблющимися на стенах и потолке. Обстановка – самая молитвенная, и мы с воодушевлением затягиваем «Отче наш...».

– Ну бабушка, ты забыла? – Коля возмущенно дергает меня за руку.

Я спохватываюсь:

– Ах да! Молчу, молчу!

Дело в том, что Молитву Господню мы поем по-особому: начало – хором, со слов «Хлеб наш насущный» – поет один Коля, а словами «И остави нам долги наша...» молитву заканчивает Ваня. Такой порядок заставляет мальчиков быть внимательными, чтобы вовремя вступить со своей частью молитвы.

«Символ веры» мы тоже поем по очереди. Поначалу все немножко путались, где какой член «Символа веры» начинается, а где заканчивается, но зато теперь разбуди кого-нибудь из нас ночью – каждый без запинки отчеканит любую из двенадцати частей этой молитвы, названную по номеру.

Через некоторое время после начала молитвенного стояния Ваня умоляюще смотрит на меня и говорит:

– Ну все, я больше не могу...

Разрешаю ему посидеть, ведь он на три года младше Коли и, конечно, ему труднее выдержать наше, в общем-то, не большое правило. Но вскоре, не вынеся насмешливо-снисходительного Колиного взгляда, он снова встает рядом со мной. Я прижимаю его к себе, поддерживая под руки, как раненого бойца.

Оживление в наших рядах вызывает любимая всеми нами молитва «Ко пресвятому Духу». Выразительно кивая друг на друга, мальчики выделяют слова:

– ...или объядохся!

– ...или без ума смеялся!

– ...или развеличахся!

– ...или разгордехся!

И даже добавляют от себя:

– ...обзывахся!

– ...бабушку не слушахся!

– ...без спроса взял!

Я не делаю им никаких замечаний: некоторый недостаток молитвенного благоговения с лихвой восполняется глубоким проникновением в смысл произносимых слов.

Еще одна любимая наша молитва – «Молитва оптинских старцев». Любимая, возможно, потому, что она понятная, на русском языке, а еще потому, что в ней есть важные, как будто для нас написанные слова. Текст молитвы я крупно распечатала на компьютере, Коля нарисовал вокруг красивую рамочку и наклеил на картонку, которую мы поставили на видном месте. Читает молитву Коля, так как на момент изготовления картонки он был единственный из двух братьев, умеющий бегло читать. Но после слов «и научи меня...» мы вступаем все вместе, громко и торжественно: «...молиться, верить, надеяться, терпеть, прощать и любить!»

Надо!

Летом в деревне мы почти не включаем телевизор. Во-первых, потому, что он ловит всего одну программу. Во-вторых, ее очень трудно настроить: на экране плывут полосы, мелькает рябь, а если и появляются изображения людей и зверей, то все они окрашены в разнообразные оттенки зеленого цвета, так что можно подумать, что у бабушки Оли в углу комнаты поселилось заморское чудище по имени Шрэк. В-третьих, кто-то ведь должен пропалывать грядки, поливать огород, собирать колорадских жуков на картофельном поле, ходить за молоком. И потом, зачем, спрашивается, нужен телевизор, если рядом есть озеро, лес, а на лужайке за окном уже собралась ватага приятелей с велосипедами!

Но в тот день Коле на глаза попала газета с телепрограммой, из которой он вычитал, что завтра рано утром будут показывать самый любимый у мальчиков мультфильм.

– Бабушка, можно, мы с Ваней завтра посмотрим мультик? – умоляюще просит Коля.

– Да вы ни за что не встанете в такую рань, – убежденно говорю я, – вас и к завтраку-то не добудишься...

– Встанем! Встанем! – горячо уверяют Коля с Ваней.

– Посмотрим-посмотрим, как вы встанете. – Я настроена очень скептически.

Вечером захожу в комнату, где мальчики укладываются спать, и сразу замечаю лежащий на подушке перед Колиным носом старомодный бабушки-Олин будильник огромного размера, заведенный на семь часов утра.

– Да ведь мультфильм начинается в половине восьмого, – удивляюсь я, – зачем заводить будильник на семь часов?

Заговорщицки переглянувшись с Ваней, Коля твердо отвечает:

– Надо!

– Ну, надо так надо. – К концу дня у меня уже нет сил на возражения, и я только переставляю будильник с подушки на журнальный столик.

Через некоторое время, зайдя проверить, спят ли дети, вижу, что упрямый будильник снова лежит на подушке перед Колиным носом...

На следующее утро, едва раздается тарахтение будильника, Коля как ошпаренный вскакивает с постели и сразу подбегает к Ване:

– Ваня, вставай!

Ваню подбрасывает как на пружине, и он тут же, с закрытыми глазами, принимается энергично напяливать на себя футболку задом наперед. Одевшись с рекордной скоростью, ребята, к моему великому удивлению, без промедления начинают убирать свои постели, чего обычно от них не дождешься... Вижу, как Коля с предосторожностями, озираясь на меня (я делаю вид, что сплю), сложил раскладушку и с грохотом поволок ее на веранду. Слышится неразборчивое перешептывание, затем – удаляющийся топот ног. Зажурчала вода из-под крана... Вот это да! Умываются! Снова топот, теперь уже приближающийся. Удивительное дело: встали рядком перед иконой на молитву! Что это?! Вижу в руках у Коли свой молитвослов на церковно-славянском языке... Да это же высший пилотаж! До сих пор он только заглядывал в него через мое плечо... Читают с самого начала, без пропусков, почти не спотыкаясь. Конечно, многие молитвы они знают наизусть. Вот пошла «Молитва Господня», теперь – «Символ веры», «Достойно есть». Все, что у меня отмечено крестиком. Коля выводит приличным речитативом, Ваня в основном подпевает отдельные слова... Куда это они снова помчались? Ах да, в соседней комнате – святая вода и просфора...

Ровно в семь тридцать щелкнула кнопка телевизора, на экране запрыгал веселый зеленый заяц, и раздался дружный детский смех.

«Ничто не должно обладать мною» (1 Кор. 7, 14)

До момента, когда Коля и Ваня должны лежать в постели, остается двадцать минут. В ответ на усиленные просьбы мальчиков я, скрепя сердце, разрешаю им немного поиграть на компьютере, однако, понимая, что подготовка ко сну может надолго растянуться во времени, ставлю небольшое условие, способное многократно сократить этот процесс:

– Сначала чистим зубы, разбираем постели, а в оставшееся до сна время играем на компьютере.

Мои последние слова тонут в двухголосном возмущенном вое. Я даже теряюсь от такой бурной реакции на мое простое предложение и пробую разъяснить свою позицию, но она заглушается громкими протестующими воплями:

– Вот так всегда!

– Мы сегодня еще ни разу не играли!

– Лучше б мы не ходили гулять!

Рассердившись не на шутку, я выкрикиваю:

– В таком случае – никакого компьютера! Чистим зубы и ложимся спать! Даю пять минут на все приготовления!

Хлопнув дверью, бегу на кухню и начинаю яростно драить металлической мочалкой ни в чем не повинную кастрюлю и одновременно пытаюсь понять, почему на мое небольшое условие последовал столь яростный протест. Ничто не предвещало такого неадекватного ответа на мои слова. И как теперь быть с молитвой? Да и прощения мы друг у друга не просили сегодня... Понятно, что в сложившейся обстановке невозможно теперь ни то, ни другое. Для этого должна произойти какая-то перемена в наших разгоряченных мозгах...

Через пять минут я заставляю себя пойти в детскую комнату и, уже взявшись за ручку двери, слышу громкий возмущенный разговор, из которого мое ухо выхватывает фразу: «А она говорит...» Я оторопело останавливаюсь... «Кто это – „она“?» Это я, что ли? То – «бабушка, бабушка», а теперь – «она»? Чувствую себя укротителем мелких

зверюшек, который почему-то должен зайти в клетку с разбушевавшимися тиграми.

Мужественно открываю дверь. Голоса смолкают. Оба лежат в кроватях со злобными физиономиями. Я выхожу на середину комнаты, как на арену цирка, и, выдержав многозначительную паузу, начинаю разговор:

– Кажется, я понимаю, почему вы взвыли, услышав мое маленькое условие на включение компьютера.

Я делаю еще одну паузу.

– Все дело в том, что вас лишили порции удовольствия. Даже и не лишили, а просто переставили местами эту самую порцию удовольствия и необходимые дела. И вы сразу взвыли. Вас начало корежить и ломать. Это как у наркоманов. Если они не получают укол, к которому привыкли, то у них начинается ломка. Знаете, что это такое?

– Знаю, – угрюмо говорит Коля, – у них даже кости трещат... Нам в школе рассказывали...

– Да, потому что у них наступила зависимость от наркотиков. Но зависимость может быть не только от наркотиков. У курильщика наступает зависимость от табака, у пьяницы – зависимость от вина. А бывает зависимость от компьютера. Вот как у вас сейчас. Над вами властвует компьютер. Получается, что не компьютер для вас, а вы для компьютера. Евангелие предупреждает: «Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною». А вами командует компьютер. В общем, чувствую, у вас тут бесовщина разгулялась. А какое самое сильное средство против бесов?

– Молитва...

Молитва – это они понимают. Мы встаем перед иконой и читаем вечерние молитвы.

Когда ребята снова ложатся в постели, я вижу, что их лица слегка смягчились, и только-только собираюсь укрепить свои позиции, как Ваня, виновато взглянув мне в глаза, покаянно говорит:

– Бабушка, прости меня, пожалуйста...

Конечно, я сразу его прощаю и тоже прошу у него прощения.

Мы оба смотрим на Колю. По его лицу видно, что он не собирается ни у кого ничего просить... И тут Ваня снова меня удивляет:

– Коля, попроси у бабушки прощения!

Коля молчит, поджав губы.

– Коля, ты слышишь? Ну попроси же у бабушки прощения! Ну что тебе стоит! Проси! – горячо упрашивает Ваня.

Коля открывает рот и, не глядя на меня, спрашивает противным голосом:

– Я что-то не помню, а бабушка просила у меня прощения?

Не размышляя, повинуюсь какому-то внутреннему чувству, я говорю:

– Коля, прости меня, пожалуйста, если я тебя сегодня чем-то обидела.

Коля поворачивает ко мне удивленное лицо и говорит нормальным человеческим голосом:

– И ты меня, бабушка, прости...

Вежливая кошка

Однажды я услышала об интересном, в духе русского гостеприимства обычае, неукоснительно соблюдавшемся в большой семье, которая состояла из папы, мамы, восьми их детей, а также дедушек, бабушек и еще каких-то близких родственников. Так вот, у них было принято, чтобы навстречу гостю выходили непременно все члены семьи, которые в тот момент оказывались дома. В прихожую обычно набивалась целая толпа радушных домочадцев, что в свою очередь не могло оставить гостя безучастным к такому проявлению гостеприимства. Провожали посетителя с тем же почетом.

Об этом обычае я рассказала Коле с Ваней. Они с интересом выслушали мой рассказ и охотно поддержали предложение ввести такой же порядок в нашей, правда не столь многочисленной, семье.

Однако, когда я собралась уезжать к себе домой, провожать меня вышла одна только кошка Плюшка, которая с громким мурлыканьем принялась тереться о мои ноги, всем своим видом показывая сожаление о нашем расставании.

Говорю как можно громче:

– Какая вежливая у нас кошка! Она вышла меня проводить!

Тишина... Мне пришлось еще долго на все лады расхваливать кошку, прежде чем раздался топот детских ног и в прихожей наконец-то показали Коля с Ваней, оторванные моими воплями от увлекательнейшего процесса сборки подъемного крана из конструктора «лего».

Встречать меня на следующий день вышла опять одна только Плюшка.

– Ах ты моя внимательная вежливая киска! – вещаю я дикторским голосом в расчете на то, чтобы меня услышали.

Тишина. Прислушиваюсь. Телевизор вроде бы работает...

– Есть кто-нибудь в этом доме, кроме Плюшки?

Из комнаты доносится недовольное:

– Ну бабушка, на самом интересном месте...

– Подожди, мы только мультик досмотрим!

Радовала и удивляла меня только приветливая киска, которая всякий раз с неизменным постоянством выходила в прихожую встречать меня

и провожать... Но и я с тем же постоянством нарочито громко расхваливала Плюшку, мою неожиданную помощницу в деле воспитания подрастающего поколения в добрых традициях.

И все-таки настал тот день, когда, переступив порог, я услышала приглушенный Колин вопль, раздавшийся где-то поблизости:

– Вылезай, Ванька, по-быстрому: бабушка пришла!

Радостно хохоча, из дверной ниши выкатились спрятавшиеся там Коля с Ваней, с явным расчетом произвести впечатление своим быстрым появлением! За ними неторопливо, с важностью выступала Плюшка. А следом, отчаянно мяуча, спотыкаясь и заваливаясь в разные стороны на не окрепших еще лапках, ковыляли все ее пятеро котят, растянувшись длинной кавалькадой по всему коридору!

Полезная вещь

Папа с мамой ушли в театр, а мы с Колей и Ваней остались дома учить уроки. Ваня довольно быстро, хотя и не идеально написал свои три строчки «ма», «мы», «му», собрал портфель и пошел к коробке с игрушками. Я занялась приготовлением ужина.

Заглянув зачем-то в детскую, замечаю, как Коля быстро сует что-то в ящик стола. Это «что-то» на поверку оказывается книгой «Приключения Чипполино»! Я укоризненно смотрю на Колю и предусмотрительно уношу «Приключения Чипполино» с собой на кухню.

Через некоторое время снова вхожу в комнату к Коле. Он быстро отдергивает руку от ящика стола, откуда предательски выпадает бумажный самолетик со свежими каплями клея на его поверхности.

Я с возмущением говорю:

– Коля, теперь понятно, почему ты так надолго застрял с уроками!

Коля виновато смотрит на меня.

– И что это за беспорядок у тебя здесь? Посмотри, какая чистота у Вани на столе!

– Да Ванька просто все сгреб со стола в ящик, и все! А его еще и хвалят! – сердито отвечает Коля.

– Разговор идет не о Ване, а о тебе! Убери все со стола и учи, наконец, уроки!

– А ты лучше у Ваньки в столе проверь!

– Так! За беспорядок на столе, за не выученные до сих пор уроки назначаю тебе штрафное очко. И еще одно – за дерзость.

– Ванька у тебя любимчик, ему ничего, а как мне – так сразу два штрафных очка!

– Да при чем здесь Ваня! – Я резко поворачиваюсь к Ване.

Тот не успевает выдернуть палец из носа.

– Та-ак! Ване назначается штрафное очко за ковыряние в носу!

Коля, не удержавшись, прыскает в кулак. Я смотрю на него:

– Вот видишь, у меня нет никаких любимчиков! Все по справедливости!

Однако плохое настроение у Коли не пропало ни после того, как все уроки уже были выучены, ни даже после ужина. Весь вечер он

придирался к Ване по всяким пустякам, лежал в постели с недовольным лицом, когда я читала вслух «Приключения Чипполино», а когда пришло время просить друг у друга прощения, Коля неожиданно заявил мне:

– А я тебя сегодня не прощу!

– Говори почему.

– А ни почему! Не прощу, и все!

– Чем же я сегодня перед тобой провинилась? – говорю миролюбиво. – Может быть, я читала «Приключения Чипполино», вместо того чтобы готовить ужин? Или делала бумажный самолетик, вместо того чтобы мыть посуду?

Ваня хихикает. Коля злобно косится на него. Я иду на мировую:

– Да ладно тебе, Коль, давай свою лапу, будем мириться!

Коля молчит.

В это время хлопает входная дверь, в комнату заглядывает вернувшаяся из театра моя дочь:

– Спускайся скорее вниз, наш папа отвезет тебя домой!

Я спешу в прихожую, хватаю свою сумку, пальто: мой зять ждать не любит. Прежде чем выскочить за дверь, я все же замедляю темп, оборачиваюсь... Но нет, мои ожидания не оправдываются... Спускаюсь в лифте с очень плохим настроением: Коля впервые не попросил у меня прощения при расставании. Сидя в машине, думаю об одном: что же было не так? Конечно, мне не следовало горячиться... Нет, все-таки дело не в этом, ведь серьезные основания для возмущения у меня были. Скорее всего, это ревность, Коля весь вечер дулся не только на меня, но и на Ваню. Я подала для этого повод: ругала старшего брата при младшем, хвалила Ваню, ставила его в пример...

Звонит мобильный телефон. Коля! Он торопливо кричит взволнованным голосом:

– Бабушка, прости меня, пожалуйста!

– Коленька, дорогой, я тебя прощаю! И очень люблю! И ты меня прости!

– Прощаю! Я тебя тоже очень люблю!

Я сижу в мчащейся по ночному городу машине и думаю: какая все-таки полезная вещь – мобильный телефон!

Великопостное воздержание

Какой мальчишка может равнодушно пройти мимо соблазнительно валяющейся на тротуаре жестяной банки, не пнув ее ногой! Вот и я безуспешно боролась с этой вредной, не красящей моих внуков привычкой.

Однажды, дело было во время Великого поста, я, Коля и Ваня шли по залитому весенним солнышком широкому, уже совершенно сухому тротуару. Я немного отстала от внуков, наслаждаясь легкими дуновениями почти по-летнему теплого ветерка, насыщенного густыми запахами пробуждающейся к жизни земли, талого снега, и не сразу заметила жестяную банку, которая лежала прямо у Вани на пути. Сделать уже ничего было нельзя: Ваня занес ногу над банкой. И... перешагнув ее, проследовал дальше.

– Ваня, – изумляюсь я, – как же ты удержался и не подфутболил банку?! Наверное, это было очень трудно?

– Да, – подтверждает Ваня с тяжелым вздохом, – это было очень трудно.

– Что же тебя все-таки удержало? – продолжаю я допытываться.

– Пост, – немногословно поясняет Ваня.

Маленькое условие...

Во время Рождественского поста Колю с Ваней пригласили на день рождения. Детские праздники в пост – это испытание веры и для детей, и для их родителей, это неизбежная головоломка для взрослых: «Отказаться от приглашения под благовидным предлогом или все-таки идти, чтобы не обидеть своих друзей? Если идти, то как быть с угощением, так как праздники и дни рождения во время поста чаще всего устраивают люди далекие от веры, поэтому угощение, конечно, будет далеко не постным».

В прошлый раз, когда я сопровождала мальчиков на такой день рождения, мы уговорились, что, во-первых, они там не будут ходить на головах, а во-вторых, постараются выбрать себе из еды что-нибудь постное. И действительно, они с честью сдержали наш уговор, нажимали в основном на овощные салаты и фрукты, а когда подали на горячее курицу с картофелем фри, то оба мужественно попросили себе одно только фри без курицы.

Но в этот раз я, по некоторым соображениям, решила пойти на ослабление наших обычных уговоров. Меня смущала некоторая, пусть и вынужденная, демонстрация нашего поста, а также то, что мы можем своей переборчивостью огорчить гостеприимных хозяев. По пути на праздник я сообщила ребятам радостную весть про послабление гастрономического поста:

– Мальчики, сегодня я разрешаю вам есть все, что подадут за столом!

– Как, и мясо?! – удивляется Ваня.

– И мясо, и даже торт, – подтверждаю я. – Это чтобы вы не гордились своим постом. Но только с одним маленьким условием...

– Но только не просить добавки! – добродушно-шутливым тоном предполагает Коля.

– Нет, объедаться в любом случае нельзя. У меня другое условие. Есть можно все, но взамен весь следующий день вы не будете драться, пихаться, ссориться...

Я даже не успеваю договорить до конца, как оба, с выражением ужаса на лице, вскрикивают:

– Это невозможно!!!

Два холодильника

В конце июня после прошедших дождей с грозами наступили отличные теплые деньки. Коля, Ваня и бабушка возвращались с озера домой и по пути заглянули в березовую рощу, раскинувшуюся прямо посреди деревни, чтобы проверить, не пошли ли грибы. У первых же березок Коля с Ваней нашли несколько сыроежек и горсточку молоденьких лисичек величиной с пуговицу. Потом Ваня прибежал с двумя крепенькими подберезовиками в руках, а Коля, издав радостный вопль, бросился вперед и вытащил из травы подосиновик с ярко-красной шляпкой! Все азартно рыскали между деревьями в поисках грибов, но неожиданно рощица закончилась и грибники оказались перед большой ямой, заросшей травой и кустарником, рядом виднелись остатки полуразрушенной печи да торчал из бурьяна покосившийся на один бок и местами проржавевший холодильник.

– А что здесь раньше было, бабушка? – тревожно спрашивает Ваня.

– Раньше здесь стоял дом, в нем жили люди.

– А что стало с домом?

– Дом сгорел. С тех пор уж больше десяти лет прошло...

– А люди?

– Люди еще раньше умерли, они похоронены на нашем деревенском кладбище.

Все молча постояли, разглядывая стоявшую неподалеку от ямы яблоню, усыпанную мелкими зелеными яблочками, саму яму, видимо, когда-то служившую подвалом, и холодильник, оказавшийся почему-то на дне этой ямы.

– А хотите, я вам расскажу историю этого холодильника? Вернее, это история про нашего дедушку Илью и про два холодильника, – неожиданно предложила я.

– Конечно, хотим!

И бабушка начала вспоминать:

– Дело было давно, лет сорок назад. В то время товары и продукты не ждали покупателей в магазинах, как сейчас. Чтобы купить все необходимое в хозяйстве, надо было стоять в очереди, а некоторые товары приходилось заказывать заранее и ждать, когда их привезут. Такие уж были времена. Как-то раз наш дедушка Илья решил купить

холодильник. Он пошел в магазин, записался на очередь и стал ждать. Через два года холодильник наконец привезли. Но дедушке он не достался. Уж не знаю, как это получилось, но холодильник продали другому человеку. Этот человек как раз и был хозяином сгоревшего дома. – Бабушка кивнула головой на яму. – Что было делать нашему дедушке?

– Надо было отобрать холодильник, – решительно говорит Ваня, – ведь это же дедушка его заказывал!

– А почему же дедушкин холодильник отдали другому человеку, надо было пойти в магазин и сказать, что это не по-честному! – возмущается Коля.

– Нет, дедушка поступил по-другому. Он не стал ни с кем спорить, ссориться и что-то доказывать, потому что очень не любил этого. Дедушка просто пошел и заказал другой холодильник.

– А его сразу привезли в магазин? – озабоченно интересуется Ваня, правильно оценивший те сложности, с которыми мог столкнуться дедушка сорок лет назад.

– Холодильник снова пришлось ждать два года. Но в конце концов его все-таки привезли. Это тот самый холодильник, который висит у бабушки Оли на стене. Ему уже сорок лет, а он еще ни разу не сломался!

Коля, Ваня и бабушка молча постояли у ямы, на дне которой виднелся ржавый, жалобно покосившийся холодильник, и пошли домой.

Как Ваня учился читать

Ване было уже шесть лет, когда мы спохватились, что вяло текущий процесс обучения его чтению так и не привел к существенным результатам: через год ребенку надо идти в школу, а мы только-только азбуку одолели. Ванина мама, филолог по образованию, незамедлительно приступила к действию. Поймать Ваню, пытавшегося сразу после завтрака незаметно улизнуть к приятелям на улицу, и усадить его за стол – это еще было полдела. Далее Ваня продемонстрировал такое ослиное упрямство и бестолковость при складывании букв в слоги, что никто из присутствующих в доме ни секунды не сомневался, что он делает это нарочно, чтобы всех разозлить и поскорее вырваться во двор к друзьям. Всегда тактичная и терпеливая мама начала заметно волноваться примерно на десятой минуте обучения. Всем, кто при этом находился в доме, казалось, что она делает что-то не так. Кто-то пытался дать совет маме, кто-то принимался стыдить Ваню. Вскоре мама охотно уступила место возле Вани мне. Нужны были еще десять минут, чтобы я убедилась в бесплодности своих усилий и потеряла всякое душевное равновесие... Со словами: «Вы все неправильно делаете!» меня сменила на стуле Ванина прабабушка Оля, профессиональный педагог с пятидесятивосьмилетним стажем работы в школе. Однако через те же десять минут она пришла к выводу, что Ване надо отдохнуть и подышать свежим воздухом...

Через две недели ежедневных занятий, во время которых все домочадцы приходили в исступление от Ваниного упрямства и протестующих воплей, нам удалось добиться того, что он с трудом мог прочитать написанные аршинными буквами на куске ватмана слоги: «МА», «ПА» и «АМ». Такие скромные результаты наших титанических усилий были тем более удивительны, что Коля в его возрасте уже читал книжки запоем и никто из нас не мог толком припомнить, когда и как он научился читать... Вспоминали случай, о котором нам с умилением поведала Колина воспитательница: в то время как в детсадовской группе стояла пыль столбом от бегающих с громкими воплями детей, Коля сидел в углу на стульчике и, заткнув уши пальцами, читал разложенную на коленках книжку...

Мы ломали голову, не в силах понять, почему одни и те же условия воспитания двух родных братьев дали столь разные плоды. Сколько книг мы им обоим перечитали с самого раннего детства, прививая любовь к ним! Да и сейчас Ваня ходит у всех по пятам с книжкой, жалобно канюча, чтобы ему почитали. И никакого желания читать самому!

Вскоре у мамы закончился отпуск, и она уехала в город, поручив мне продолжать Ванино обучение. На следующий день после маминого отъезда, сразу после завтрака, Ваня был пойман мною в дверях и усажен за стол. К занятию я приготовила «Рассказы для маленьких детей» Л. Н. Толстого. Мне показалось, что красочно проиллюстрированные рассказы будут более привлекательными для чтения, чем безликие слоги или слова, не связанные смыслом. Я выбрала для прочтения самый коротенький рассказ в неполных две строки, напечатанный очень крупным шрифтом:

У меня шесть кур, и я поутру даю им корм. Я кричу: цып, цып. Я сыплю зерно на землю и на кур.

Вот и весь рассказ. Львиную долю страницы занимала цветная картинка, на которой были изображены девочка, куры и петух.

– Ну, Ваня, читай! Какая это буква? – Я тычу пальцем в большую букву «У».

Ваня с ненавистью смотрит на букву «У» как на своего личного врага и угрюмо молчит.

– Ну что ты молчишь? Это буква «У»! – подсказываю я. – Ладно, давай я немного прочитаю, а ты следи.

Я медленно, с расстановкой, поглядывая на Ваню, читаю:

– «У меня шесть кур...» Какая дальше буква идет? Ваня, ты же знаешь, что это буква «и». Ну, давай сначала: «У меня шесть кур...» Ну, что дальше?

– И седьмой пету-у-ух!!! – вдруг отчаянно заголосил Ваня, а из глаз у него брызнули слезы.

Отсмеявшись, я поняла, что в деле Ваниного обучения чтению надо сделать большую паузу. Каждому овощу – свое время...

Тайна первородства

Я хлопочу на кухне, заканчивая приготовления к обеду: Коля с Ваней пришли из школы, и их надо срочно накормить. Оба уже сидят за столом, нетерпеливо поглядывая на меня голодными глазами.

– Коля, нарежь хлеб, пожалуйста, – суетливо мечась от плиты к столу, прошу я, – и булку тоже.

– Не буду я ничего резать! – объявляет Коля сердитым тоном.

Я застываю у стола с кастрюлькой супа в руках.

– Что случилось? Почему не будешь?

– А ни почему! Не буду, и все!

– Что это еще за бунтарские настроения? – удивляюсь я, бухая кастрюлю на стол.

Коля сидит молча, со злобным выражением лица глядя в одну точку, и я понимаю, что он действительно не пошевелится, хоть убей. Что это на него нашло? Такого еще никогда не было... Переходный возраст, что ли, сказывается такими перепадами в настроении? И что мне теперь с ним делать? Все эти вопросы молнией проносятся в моей голове, не находя ответа.

– Давай, бабушка, я нарежу хлеб! – предлагает Ваня и хватает нож: он не любит всяческих обострений в отношениях с домашними.

– А ты не порежешься?

До сих пор я поручала резать хлеб только Коле. Он старше Вани на три с половиной года, и я всегда старалась подчеркивать ответственность его старшинства, доверяя именно Коле особо важные дела, назначая его за старшего, когда братья оставались вдвоем. Для поддержания этой необходимой, на мой взгляд, иерархии в их отношениях первым за столом всегда получает тарелку с едой или кружку с чаем Коля, а потом уж Ваня. И Коля очень дорожит такой привилегией, всякий раз ревностно следя глазами за моими действиями.

Ваня старательно режет хлеб, а я беру тарелку и наливаю в нее суп.

– Коля, я, конечно, не оставлю тебя голодным, – во мне медленно созревает план действий, – но сегодня первая тарелка по праву будет Ванина. Это он взял на себя обязанности старшего, резал хлеб, так что не обессудь. Считай, что ты временно лишился своего первородства,

как Исав, который продал его за чечевичную похлебку! А до вечера я еще буду думать, кого оставить за главного, пока не придут папа с мамой: тебя или, может быть, Ваню.

Коля растерянно хлопает глазами, молча взирая на то, как тарелка с супом проплывает мимо его носа... Он явно не ожидал такого позора перед младшим братом и теперь не знает, что ему делать. Но голод не тетка, и Коля остается сидеть за столом, делая вид, что ему все нипочем... Жаркое тоже первым получает Ваня, которому это очень нравится. Я свои действия не комментирую, и так все ясно. К тому же нельзя доводить ситуацию до критического порога. К концу обеда, когда мы уже пьем чай с горячим пирогом, Коля заметно веселеет, мы даже что-то обсуждаем друг с другом. Выходя из-за стола, он говорит:

– Спасибо, бабушка, за вкусный обед. И... и прости меня, пожалуйста!

Конечно, мы тут же миримся.

Вечером, при расставании, когда я уже стою в пальто у двери, Ваня спрашивает:

– Бабушка, а кого ты сегодня оставишь за главного? Меня?

Оба внука застывают передо мной в напряженных позах, ожидая ответа: Ваня – с надеждой в глазах, Коля – с тревогой.

– Нет, Ваня, за главного, как всегда, будет Коля. Он ведь попросил у меня прощения.

Коля поворачивается к Ване и, радостно смеясь, выкрикивает:

– Ну, Ванька, ты у меня сегодня попляшешь!

Ваня с хохотом удирает. В конце коридора между ними завязывается маленькая дружеская потасовка.

Давай я!

– Коля, принеси из кухни кружки для чая, – прошу я, накрывая в гостиной стол к завтраку.

– Все я да я, пускай Ванька сходит! – недовольно откликается мой старший внук.

Я огорченно причитаю:

– Ну почему вы всегда все дела друг на друга сваливаете! Что за мода такая? Когда я была маленькая, у нас в семье было не так. Мы говорили: «Давай я сделаю!», «Нет, давай я схожу!», а у вас все наоборот: «Сделай ты!», «Нет, ты!».

Коля нехотя отправляется на кухню. Через некоторое время я прошу Ваню:

– Ванечка, сходи на огород за укропом, – и твердо добавляю: – пожалуйста.

В ответ слышу ворчливое бурчание:

– Я вчера ходил на огород за укропом, пускай теперь Коля идет!

Вслед за этим между братьями начинаются длительные разбирательства, кто за чем когда ходил... Я, в свою очередь, начинаю мучительные размышления, как переломить эту уродскую, непонятно откуда взявшуюся традицию...

Вечером того же дня приходит решение. Случается это неожиданно, в тот момент, когда я читаю размышления святителя Игнатия (Брянчанинова) об одном из видов смирения, который назван святыми отцами самоукорением:

Самоукорение есть насилие надшему естеству, как служит ему насилием молитва и другие иноческие подвиги... Самоукорение имеет, при начале упражнения в нем, характер бессознательного механизма, то есть произносится языком без особенного сочувствия сердечного, даже в противность сердечному чувству; потом мало-помалу...

Так-так-так... Упражнение... Механически произносится... потом мало-помалу... Да это же замечательная идея!

Когда мы снова все вместе собираемся за обеденным столом, я произношу краткую речь:

– Итак, с сегодняшнего дня, если я попрошу Колю принести, например, соль из кухни, то встать и пойти за солью должен вовсе не

Коля, – я делаю глубокую театральную паузу, – а Ваня!

Ваня возмущенно затягивает привычную песню:

– Ну почему все я да я!

Не обращая на него внимания, я продолжаю:

– А если я скажу: «Ваня, нарежь хлеб!» – то делать это должен вовсе не Ваня, – я опять выдерживаю паузу, – а Коля!

Коля и Ваня уже с некоторым интересом смотрят на меня.

– Раз уж мы не умеем делать добрые дела добровольно, – поясняю я, – будем делать механически, как упражнение, чтобы это в конце концов вошло в привычку, а там, глядишь... Ну, а пока будем считать, что у нас игра такая. Только не забудьте, надо обязательно сказать слова: «Давай я сделаю!» Итак, начали!

Я оглядываю стол – так, не хватает поварешки, и торжественно провозглашаю:

– Коля, принеси, пожалуйста, поварешку для щей!

Коля начинает хохотать, не двигаясь с места. Ваня насупливает брови, но все же встает со стула и говорит сквозь зубы механическим голосом, как робот:

– Коля, давай я схожу!

Я начинаю разливать щи принесенной Ваней поварешкой и тут обнаруживаю, что нет ложечки для сметаны. Совершенно забыв про нашу игру, прошу:

– Коля, принеси маленькую ложечку для сметаны.

И сразу же спохватываюсь, ведь идти надо опять Ване! Тихонько ахнув, зажимаю рот рукой и испуганно смотрю на него. Ваня бросает на меня гневный взгляд, но игра есть игра, и он, сделав зверское лицо, почти рычит, совершая явное насилие над своим падшим естеством:

– Коля, давай я схожу!!!

Но тут совершается невероятное! Коля встает из-за стола и великодушно говорит:

– Да ладно, Ванька, сиди. Я схожу!

Мы с Ваней потрясенно переглядываемся. Я говорю:

– Если у нас так дела пойдут, представляете, как папа с мамой удивятся, когда приедут! Наверное, они подумают, что вы заболели!

Коля приносит ложечку и, хитро посматривая на Ваню, многозначительно говорит:

– Бабушка, попроси меня еще что-нибудь сделать!

Ваня не остается в долгу:

– Нет, бабушка, попроси лучше меня!

Коля молниеносно парирует:

– А давай, бабушка, я съезжу на родник за водой!

– А я, а я... прополю грядку с луком!

Оба, чрезвычайно довольные собой, хохочут.

Через несколько дней, заполненных нашими упражнениями в добрых делах и оттачиванием остроумия, нежданно-негаданно приезжают из города папа с мамой и попадают прямо к обеду. Окинув взглядом стол и не обнаружив своей любимой приправы к мясу, ничего не подозревающий папа просит:

– Коля, принеси-ка горчицу из холодильника.

Коля не двигается с места. Папа хмурит брови и выжидающе смотрит на него, удивляясь такому злостному непослушанию. Я замираю. В это время с другого конца стола раздается Ванин голос:

– Коля, давай я схожу!

Мама перестает есть и провожает бессмысленным взглядом метнувшегося на кухню Ваню. На папином лице, наоборот, появляются, сменяя друг друга, промежуточные результаты сложного мыслительного процесса. Но вскоре он оставляет самостоятельные попытки постичь непостижимое и смотрит на меня:

– Что происходит?

Я смущенно бормочу:

– Это у нас игра такая...

– Ну и дела... – Папа мотает головой, как бы отгоняя наваждение.

Тут прибегает Ваня с горчицей, и папа, устало вздохнув, сосредотачивает все свое внимание на аппетитном куске мяса, который лежит у него на тарелке.

Тем временем мама начинает кое о чем догадываться и поворачивает голову ко мне:

– Как тебе это удалось?

Коля и Ваня сияют, от души наслаждаясь произведенным эффектом!

Ворованное варенье

Ваня приходит домой с неестественно оттопыренными карманами и начинает деловито выгружать из них на кухонный стол спелые синие сливы. Я удивляюсь:

– Где ты набрал столько слив, Ваня?

– Возле школы, их там полно!

– Но это же чужие сливы! Зачем ты их рвал?

– Я не рвал, я собрал их на земле под деревом! Они бы все равно сгнили, а я их спас!

– Ну, не знаю... – неуверенно начинаю я, но Ваня, не дослушав, кричит уже из-за двери:

– Ты, бабушка, свари из них варенье!

Мне все это очень не нравится... Но с другой стороны, Ваня старался, собрал сливы, чтобы они там не гнили. Не выбрасывать же их теперь?

Вечером мы пьем чай со свежим сливовым вареньем. Ваня хвастается:

– Это я сливы принес!

Коля догадывается:

– Около школы рвал?

– Я их не рвал, а собрал на земле под деревом.

– Ври больше!

Я вступаюсь за Ваню:

– Коля, ну почему ты не веришь Ване?

Колин смешок заставляет меня добавить:

– Ваня, конечно, может иногда наплести немножко... Но зато потом он мучается от этого и в конце концов обязательно сознается!

Сказать по совести, Коля прав, за моим младшим внуком водится этот грешок... Но если человеку постоянно твердить, что он обманщик и вун, то так оно и пойдет... Говорят ведь: «Как корабль назовешь, так он и поплывет»... Поэтому я уже давно решила не упускать малейшего повода, чтобы похвалить Ваню за честность, подчеркнуть, что ему доверяют, и тем самым разорвать этот порочный круг. В этом решении меня утвердил давнишний случай. В детстве я очень боялась темноты, хоть и не признавалась никому в этом. И вот как-то раз мама

попросила меня принести из кладовки банку с мукой. Видимо, она заметила мое нерешительное топтание перед дверью, ведущей в темный коридор, потому что, повернувшись к папе, добавила: «Наша дочка очень смелая. Она совсем не боится темноты!» Что-то мгновенно перевернулось в моей голове, я оказалась поднята на немыслимую высоту, поставлена выше моих страхов! А главное, у меня не было сомнений, что мама сказала правду, и в ответ на ее слова я храбро шагнула за дверь. Эта история раз и навсегда исцелила мою боязнь темноты, подтверждая тем самым правоту пушкинских строк: «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман»!

Но вернемся к нашему сливовому варенью. Как-то так неожиданно получилось, что к нему прицепилось название «ворованное». Все так и говорили: «Не попить ли нам чайку с „ворованным вареньем“?» Или: «Бабушка, а где стоит наше „ворованное варенье“?» Особенно неприятно мне было отметить, что все говорили не «ворованные сливы», а именно «ворованное варенье», что ставило меня в положение явной соучастницы этого «сливового дела». Я не знала, куда мне деваться от насмешливых, как мне казалось, взглядов и ухмылочек домочадцев... Все мои попытки найти выход из этого положения ни к чему не привели. Это был какой-то тупик. Наши чаепития превратились для меня в муку. Поэтому, когда варенье наконец-то закончилось, я с облегчением вздохнула.

На кухню, где я как раз мыла банку из-под злополучного варенья, приходит Ваня. Немного потоптавшись рядом со мной, он говорит:

– Я, бабушка, тебя не обманул. Я на самом деле собрал сливы на земле. – И, виновато взглянув на меня, добавляет: – Только я дерево перед этим немножко потряс...

Три рыбки

Коля с Ваней пришли с рыбалки и с торжеством вытряхнули из бидона в таз с водой трех рыбок. Одна из них была поменьше и сразу всплыла животом кверху, а две другие резво плавали в тазу и были довольно-таки солидных размеров и толщины, так что я даже удивилась:

– Как вам удалось на удочку поймать таких большущих рыб? Да они еще из благородных! Это же лини!

Коля с Ваней молча переглянулись. Я почувала неладное:

– Так, что-то я не припомню, чтобы на удочку ловились лини, да еще такие крупные. Где вы их взяли?

– Мы их из сетки вытащили, – признается Ваня, бросив вопросительный взгляд на молчаливо стоящего рядом с ним Колю. – Там рыбацкие сети были натянуты поперек речки... – И горячо добавляет, энергично отбивая в такт словам ладошкой: – Может, бабушка, это те самые сети, которые весной у дедушки с папой украли! Помнишь? Вот мы и забрали из них рыбу!

Похоже, это дельце братья обмозговывали вдвоем... Ну нет, думаю я, хватит с меня прошлогоднего «ворованного варенья» и решительно говорю:

– Нечего сказать, хорошо придумали! Получается: «грабь награбленное»! Вот так и начинаются на земле революции и войны!

– Как?

– А так: Фома украл у Еремы сети. Ерема отобрал у Фомы рыбу. Фома в отместку поджег у Еремы дом. Ерема собрал всю деревню против Фомы. А там и пошло: деревня на деревню, город на город, государство на государство.

Коля с Ваней с интересом следят за смелым ходом моих мыслей. Я эффектно заканчиваю:

– И вот уже человечество гибнет в результате мировой атомной войны! В общем, несите рыбу туда, где взяли, от греха подальше.

– Опять в сети засунуть? – уточняет Ваня без всяких возражений, видимо, сраженный моими доводами.

– Ну, это не обязательно, просто отпустите ее в речку. Будем считать, что рыбам повезло.

– А вот этудохлую куда?

– Ну,дохлую, я думаю, можно скормить нашему коту.

Ваня с сомнением спрашивает:

– А из-за нее не начнется мировая война?

Как Коля чинил калитку

Мама с Ваней уехали в лес собирать бруснику, а Коля, у которого в велосипеде сдулось колесо и теперь надо было покупать новую камеру, остался дома. Перед отъездом мама поручила ему починить калитку, уже давно болтавшуюся на одной петле из-за прогнившей доски. Это было первое большое дело, которое Коле доверили выполнить совершенно самостоятельно.

Я готовлю обед, а со двора, услаждая мой слух, доносятся то веселый визг пилы, то бодрый стук молотка. Минут через тридцать наступает тишина... Откладываю все свои дела и иду посмотреть, чем там у Коли закончилось дело. Проходя через коридор, вижу в открытую дверь, что он читает на веранде книгу.

– Коля, ты уже починил калитку?

Не отрывая головы от книги, Коля вяло говорит:

– Ну, что-то вроде того...

Мне как-то не очень нравится этот загадочный ответ, и я с некоторой долей беспокойства выхожу во двор.

На столбе исправно висит калитка, но мне сразу бросается в глаза новая некрашенная доска, высоко, как флаг, выступающая кверху своим кривым срезом. Взглянув на подошедшего Колю, по угрюмому виду которого догадываюсь, что он достаточно объективно оценивает результаты своей деятельности, я великодушно говорю:

– Ну, ты просто молодец, все отлично! Вот только надо бы доску сверху немножко подравнять... А, Коля? Как ты думаешь?

– А ты бы попробовала, бабушка, вот этой пилой одна попилить! – огрызается Коля и сердито показывает рукой на большую двуручную пилу, валяющуюся неподалеку в траве.

Пропускаю это мимо ушей, понимая, что он сердится не на меня и даже не на двуручную пилу, а скорее всего, на самого себя. К тому же я внезапно замечаю перед калиткой довольно большую свежеврытую яму... Спрашиваю с недоумением:

– А откуда здесь яма-то взялась?

Коля хмуро молчит.

Я пытаюсь открыть калитку и сразу понимаю назначение вырытой ямы. Даже при ее наличии калитка открывается только до половины,

уткнувшись одним концом в землю...

Осторожно подбирая слова, говорю:

– Довольно остроумное решение проблемы... Вот только есть опасность не заметить в потемках эту... э... э... это небольшое углубление и упасть в него... Может быть, есть другое решение?

– Да я уже думал...

– Может быть, открутить шурупы в петлях и перевесить калитку повыше?

– Не получится, – твердо говорит Коля.

– Ну как же не получится, – удивляюсь я, – раз ты их закрутил, значит, можно и открутить. Неси отвертку!

– Не получится. Я уже пробовал. Шурупы я забил топором...

– М-да, – уныло говорю я. – О! Эврика! Посмотри-ка, Коля, калитка крепится петлями не сразу к столбу, а к брусу, а он прибит к столбу всего двумя гвоздями. Давай мы калитку вместе с брусом открепим от столба и прибьем повыше! Есть все-таки у бабушки конструкторская смекалка! А, Коля?

– Есть, – снисходительно усмехается Коля.

Я беру топор и пытаюсь вставить его лезвие между столбом и брусом. Но у меня это как-то плохо получается... Коля властно забирает топор из моих рук и легко отделяет калитку вместе с брусом от столба, я едва успеваю подхватить ее за другой конец. Потом мы вместе пытаемся все это сооружение приставить повыше, так, чтобы гвозди, торчащие из бруса, попали в центр столба. Долго пыхтим, отдавливает друг друга ноги, пробегая вместе с калиткой мимо намеченной цели то в одну сторону, то в другую. Вдруг Коля решительно говорит:

– Так, отойди-ка, бабушка!

Я повинуюсь. Ничего мне не объясняя, он деловито укладывает калитку на землю, снимает ее с петель, отделив от бруса с гвоздями. Я разгадываю Колин замысел и восхищенно говорю:

– Молодчина! Какое красивое решение! А я и не догадалась.

Заметно повеселевший Коля победно смотрит на меня, приставляет брус к столбу и быстро приколачивает. Затем мы без особого труда навешиваем калитку на петли и отходим на несколько шагов, чтобы полюбоваться результатами нашего труда. Калитка вызывающе возвышается над досками забора, а под ней просматривается ниша, в

которую может легко пройти небольшая дворняжка даже не опуская головы...

Я нерешительно говорю:

– По-моему, неплохо... Особенно удобно будет зимой. Даже если наметет снегу по колено, то калитка все равно откроется...

Коля недоверчиво косится на меня, потом отряхивает ладошки одну о другую, складывает инструмент в ящичек и направляется к дому. Делаю шаг вслед за ним, но тут же замираю: мне на глаза снова попадается яма перед калиткой... Я уже открываю рот, чтобы окликнуть Колю, но что-то меня останавливает. Немного постояв в раздумье, иду за лопатой, закапываю яму и утаптываю землю ногами...

За обедом мама, одобрительно поглядывая на своего старшего сына, говорит:

– Сегодня Коля совершил очень важное дело: починил калитку в заборе! Представляете, ему одному пришлось пилить двуручной пилой доску! Мы потом вдвоем ее немножко подравняем. Правда, мне сначала показалось, что калитка висит чуть-чуть высоковато... Но зато когда зимой насыпет снегу по колено, она все равно откроется!

Наряд на работу

Со двора доносятся частые громкие взрывы. «Ага, это Коля и Ваня наконец-то пришли с озера», – догадываюсь я и, бросив все свои дела, выскакиваю на улицу. К взрывам петард я уже давно привыкла, даже не вздрагиваю, но внуки тем самым выдали свою дислокацию, и теперь надо перехватить их до того, как они успеют опять куда-нибудь исчезнуть вместе со своими приятелями. Но где же они? Я озираюсь по сторонам. Откуда-то из-за бани снова раздается взрыв. Бегу туда и стараюсь перекрыть оглушительные хлопки:

- Коля, Ваня, вы колорадских жуков с картошки уже собрали?
- Ну бабушка, мы завтра соберем!
- А огород вы полили?
- Ну бабушка, уже темно, мы завтра польем!
- А дрова...

Вообще-то я уже знаю, что любое дело, порученное Коле с Ваней, сдвигается с мертвой точки только тогда, когда я нахожу время его возглавить. Но на мне и так весь дом, огород, больная бабушка Оля... И назавтра все начинается по кругу:

- Коля, Ваня, вы колорадских жуков с картошки собрали?
- Ну бабушка!

Передо мной вплотную встает выбор: или я найду способ как-то организовать эту потенциальную рабочую силу, или поливать огород, складывать дрова, собирать жуков мне придется самой. В тот же вечер я откладываю все дела, нахожу кусок белой бумаги и пишу печатными буквами заголовок:

Наряд на работу

Чтение по программе (Коля – письмо Евгения Онегина наизусть, Ваня – «Дети подземелья») – сразу после завтрака.

Складывание дров (по 20 охапок каждому) – сразу после чтения.

Колорадские жуки – сразу после дров.

Скосить траву под яблоней возле дома (Коля) и убрать ее (Ваня) – сразу после жуков.

Набрать воды в баню, принести дров, затопить баню – после обеда.

Полить огород – после ужина.

Полюбовавшись на дело своих рук, кнопками прикрепляю наряд на самом видном месте и подзываю Колю с Ваней, чтобы они заранее ознакомились со списком работ на завтра.

Ваня с ужасом вскрикивает:

– Что, надо прочитать всех «Детей подземелья» за один присест?

Коля бурно возмущается:

– По двадцать охапок?! Ну бабушка! Давай хотя бы по десять!

– Ну хорошо-хорошо, половину «Детей подземелья» и по десять охапок, раз вы такие слабаки. Но учтите, велосипеды, озеро и футбол с приятелями – только после того, как я приму вашу работу.

Наутро сразу после завтрака Ваня демонстративно достает с полки «Детей подземелья», садится за стол и, многозначительно поглядывая на меня, начинает читать. Коля сидит в кресле, как всегда уткнувшись в свою фантастику. Ваня не выдерживает:

– Коля, учи стих! Бабушка, почему он читает фантастику?

– Правда, Коля, какая фантастика, когда надо учить письмо Онегина! – спохватываюсь я.

Коля, не отрывая головы от книжки, небрежно говорит:

– Я уже выучил.

– Как выучил? Когда?

– Утром, перед завтраком.

Я поражена:

– Все письмо? Там же много! Ну рассказывай!

Коля встает в позу и почти без запинок декламирует наизусть все письмо Онегина, страшно довольный тем, что мы с Ваней сидим с вытянутыми от удивления лицами. Видимо, на это он и рассчитывал!

За хозяйственными хлопотами я забываю напомнить Коле с Ваней про дрова... Уверенная, что теперь-то уж их и след простыл, все же выбегаю во двор и столбенею: от кучи дров до сарая выстроилась длинная цепочка соседских мальчишек во главе с Колей и Ваней, весело перекидывающих друг другу поленья. Коля издали машет мне рукой и кричит:

– Бабушка, угощение нам всем будет?

– Конечно будет! У меня компот есть и очень вкусное печенье. Годится?

– Годится!

К концу дня все пункты наряда оказываются аккуратно вычеркнутыми из списка.

Перед сном Ваня спрашивает:

– Бабушка, а ты наряд на завтра написала?

– Да нет еще...

Ваня бросает на меня недовольный взгляд и строго говорит:

– Пиши!

Литература

1. Библия.
2. *Пестов Н. Е.* Путь к совершенной радости. – М.: Даниловский благовестник, 1994.
3. *Куломзина С. С.* Наша Церковь и наши дети. – М.: Мартис, 1994.
4. *Глеб Каледа, проф., прот.* Домашняя церковь. – М.: Зачатьевский монастырь, 1998.
5. *Громыко М. М.* Мир русской деревни. – М.: Молодая гвардия, 1991.
6. *Шмелев И. С.* Лето Господне. – М.: Советская Россия, 1988.
7. *Александр Шмеман, протопр.* – М.: Великий пост, 2002.

Лариса Калюжная

БАБУШКА, А ПОЧЕМУ?

